

INSPIRIA

**АННА
ДАУНЗ**

**УКРОМНЫЙ
УГОЛОК**

INSPIRIA

Ток. Слишком близко. Семейные триллеры

Анна Даунз

Укромный уголок

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Даунз А.

Укротный уголок / А. Даунз — «Эксмо», 2020 — (Ток.
Слишком близко. Семейные триллеры)

ISBN 978-5-04-155270-1

ЭМИЛИ НЕ В ПОРЯДКЕ Эмили Праудман не везет на актерском поприще. Она потеряла своего агента, работу и квартиру – все за день. Один ужасный день. ЭМИЛИ В ОТЧАЯНИИ У Скотта Денни, успешного и обаятельного генерального директора, есть проблема. Его деловая хватка и банковские счета бессильны. А потом он встречает Эмили. ЭМИЛИ ИДЕАЛЬНА Скотт предлагает Эмили стать домработницей в его уединенном французском поместье. Там она пропитывается хорошим вином, греется на солнце у роскошного бассейна и наслаждается компанией Нины и Аврелии – жены и дочери Скотта. Но вскоре Эмили понимает, что у милой супружеской пары есть свои скелеты в шкафу. Если она не будет играть по их правилам, последствия могут быть смертельными.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-155270-1

© Даунз А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Эмили	9
Глава вторая. Скотт	13
Глава третья. Эмили	16
Глава четвертая. Скотт	21
Глава пятая. Эмили	25
Глава шестая. Скотт	29
Глава седьмая. Эмили	30
Глава восьмая. Скотт	32
Глава девятая. Эмили	34
Глава десятая. Скотт	38
Глава одиннадцатая. Эмили	45
Глава двенадцатая. Скотт	50
Глава тринадцатая. Эмили	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анна Даунз

Укромный уголок

Anna Downes
The safe place

Copyright © 2020 by Anna Downes 2020

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© Павловская О., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Когда машина миновала здание главного терминала и остановилась напротив вывески «Зона частных самолетов», у Эмили чаще забилося сердце, стало трудно дышать.

– Да вы меня разыгрываете! – сказала она шоферу (собственному *шоферу!*), но тот лишь улыбнулся в ответ и распахнул перед ней дверцу, будто кучер перед Золушкой.

Застекленный туннель, начинающийся за пропускным пунктом, привел Эмили в зал вылета, оформленный не менее изысканно, чем лобби в хороших отелях. При этом никто и не подумал копаться в ее багаже, у нее даже не потребовали посадочный талон, а сразу проводили на площадку перед ангарами, где уже ждали двое пилотов и стюардесса. Они лично поприветствовали Эмили, одарив ее лучезарными улыбками. Стюардесса, взяв у девушки паспорт, подвела ее к маленькому, блестящему, остроносому самолету – у него было всего шесть пассажирских иллюминаторов, и крошечный трап вел к двери на боку.

Эмили поднялась по ступенькам в обитый глянцевою кожей салон. Мигом пожалев, что выбрала слишком простую, удобную для перелета одежду (черные легинсы, футболку с принтом «Рамоунз» и пару старых «конверсов»), она замерла, ошеломленно разглядывая роскошные кресла и настоящий, в натуральную величину диван. Конечно, члены экипажа с минуты на минуту поймут, что ошиблись, и отведут ее обратно в терминал. «Приносим свои извинения, – наверняка скажут ей. – Мы приняли вас за другую пассажирку». Или она сейчас проснется в своей убогой квартирке, вдохнет полной грудью сырой воздух со спорами плесени и обнаружит, что это был всего лишь сон. «Вот прямо сейчас...» – подумала Эмили.

Но ее не попросили удалиться, самолет не замерцал и не растворился в воздухе – экипаж поднял его в небо без лишних вопросов, а всего один час и сорок минут спустя они пошли на посадку. В этот раз, однако, вместо стройных рядов лондонских зданий Эмили увидела внизу длинные постройки, похожие на амбары; у одного на стене голубой краской было написано какое-то непроизносимое название.

Выйдя из самолета, она зашагала к скромному терминалу, куда уже доставили ее багаж и паспорт. Зал прилета оказался совсем маленьким, там было тихо и пусто. Почти пусто – посередине стоял один-единственный человек, высокий небритый мужчина со спутанными, блеклыми, будто запыленными волосами. Эмили опустила сумку на пол и покосилась на незнакомца. Он, в свою очередь, устремил на нее пристальный взгляд из-под тяжелых век. Откуда-то со взлетной площадки доносились приглушенные крики и протяжные прерывистые гудки машины, дающей задний ход. Эмили неуверенно переступила с ноги на ногу, ожидая, что появится кто-то еще – какой-нибудь симпатичный седовласый господин в кепи и с табличкой встречающего в руках. Однако в итоге пришлось смириться, что угрюмого верзилу прислали именно за ней, и она робко ему улыбнулась.

– Эмили? – не приветливым басом уточнил верзила. Ее имя прозвучало на французский манер – с ударением на последнем слоге.

Она кивнула.

– Ив, – представился незнакомец и, подхватив с пола ее сумку, зашагал к выходу так размашисто, что Эмили пришлось вприпрыжку бежать за ним.

На стоянке Ив открыл дверцу черного внедорожника, такого огромного, что на сиденье ей пришлось залезать, как на лошадь. Француз закинул сумку в багажник, уселся за руль, выехал задним ходом с парковки – и все это в полном молчании, разве что кашлянул пару раз.

Когда внедорожник помчался по прямому участку шоссе, Эмили попыталась завязать беседу со своего места на заднем сиденье.

– Я рада с вами наконец-то познакомиться, – начала она. – Наверное, нам придется много работать вместе?

Но Ив не ответил. Прошло еще двадцать минут, а он по-прежнему не произнес ни слова, так что Эмили вынуждена была сдаться и молча уставиться в окно.

Мимо проплывали дорожные указатели с названиями: «Авеню де Кордуан», «Бульвар де Понтийак», «Рю де Платан». Она шепотом произносила их, обкатывая слова на языке: «Л'Иль д'Они», «Сен-Марк-де-Фонтен», «Больё-су-Марэ». Звучало, как поэма.

Зелень полей вокруг расцветивали желтые пятна подсолнухов и ржаво-красные черепичные крыши. По склонам холмов извивались белокаменные ограды, увитые виноградными лозами. Она видела фермерские домики, речки и деревья, похожие на длинные тонкие веретенца. Еще там были острые шпили, беленые церкви, а вдалеке поблескивала тонкая синяя полоска океана.

Дорога тем временем становилась все уже, а деревья все массивнее, и вдруг Ив без предупреждения свернул на раздолбанную колею. Деревья забарабанили в окна машины ветками, словно крючковатыми пальцами, а их кроны вверху крепко переплелись, образовав зеленый туннель. Капот накрылся вниз – теперь они ехали под уклон, спускаясь с холма, – и создавалось странное впечатление, что внедорожник начал нисхождение под землю.

Эмили казалось, они уже несколько часов пробираются сквозь лес, который становится все гуще. Ветки колотили по стеклам и хрустели под колесами, а она тем временем старалась вспомнить, доказал ли француз каким-либо образом, что является тем, кем назвался, и в итоге разозлилась на себя за то, что не попросила у этого человека документы – безропотно последовала за ним к машине, села и пристегнулась ремнем.

Прерывисто дыша, Эмили покосилась на мужчину, который представился ей именем Ив. Его взгляд был устремлен на дорогу, челюсти крепче сжимались всякий раз, когда внедорожник трясло на рытвинах. Девушка украдкой проверила мобильный телефон – сеть не ловилась.

В салоне автомобиля сделалось темно, когда листва стала гуще и дневной свет сдался, оставив попытки пробиться сквозь нее. Эмили гадала, как глубоко в лес им придется забраться – вернее, как далеко ее завезут. Ведь рано или поздно должен показаться океан. Или нет? Она заерзала на сиденье, пытаясь разглядеть в окнах хоть какие-то признаки цивилизации, но сквозь заднее стекло вид открывался не более утешительный, чем через лобовое. Вокруг все выглядело так, будто здесь испокон веков не было ни изгородей, ни рукотворных дорог, ни жилищ. Она словно попала в необитаемый мир.

В конце концов, когда девушка уже обдумывала перспективу выпрыгнуть из внедорожника на полном ходу и серьезно взвешивала «за» и «против», Ив сбросил скорость. Впереди показалась решетка из черных металлических прутьев. Ворота! А когда машина подъехала ближе, замысловатые буквы на художественно оформленной вывеске сложились в название.

– «Керенсия»¹, – прочитала Эмили вслух.

Внедорожник подкатил к блестящей кодонаборной панели, Ив опустил стекло и дотянулся до кнопок на маленькой клавиатуре.

– Voilà², – внезапно нарушил он молчание, так что Эмили вздрогнула от неожиданности. – Приехали.

Раздалось жужжание механизма, затем металлический лязг – и створки ворот медленно откатились в стороны. Эмили невольно раскрыла рот. Все мысли о бегстве в одночасье испарились. Ей открылась страна чудес – в проем ограды словно выплеснулся поток из разноцветных красок и чарующих цветочных ароматов. Перед глазами замелькали пурпурные лепестки, изумрудные листья, розовые бутоны; оранжевые бабочки посыпались дождем с неба цвета чистой лазури. Даже солнечный свет здесь казался не таким, как там, где она бывала прежде.

¹ «Керенсия» (Quegencia) – многозначное испанское слово, которое можно перевести как «пристанище», «укромный уголок», «сладостное уединение», «воплощенная мечта», «любовь и привязанность» (исп.). (Здесь и далее примеч. пер.)

² Ну вот (фр.).

Внедорожник неуклюже двинулся дальше по песчаной дороге. Эмили тоже опустила стекло со своей стороны и, высунув голову в окно, жадно впитывала образы, звуки и запахи. Невидимые цикады без умолку стрекотали в своих тайных укрытиях; где-то справа кудахтали куры, и, как ей показалось, издавало жалобные звуки какое-то животное – может быть, овечка? Тропинки извивались в зарослях лаванды; рядом с грядками, на которых росли алые помидоры, лениво покачивался гамак. Впереди, за переплетением веток и ярко-зеленой листвой, поблескивала вода в бассейне, а за ней было еще больше воды – темная, с белыми барашками, поверхность океана.

Потом из моря зелени вынырнули два дома по разные стороны овальной лужайки – два белокаменных замка стояли там, как стражи этого волшебного царства.

Эмили даже присвистнула, когда внедорожник плавно остановился. Ее охватило предчувствие, что в этом месте все должно быть по-другому, что она сама сможет стать здесь иной.

– Что это такое? – выдохнула она.

– Вам нравится? – сказал Ив, и слова прозвучали не как вопрос, а скорее как утверждение. На Эмили он не смотрел, так что она не могла прочесть выражение его лица.

– *Нравится?..* – Эмили потеряла дар речи. Так могла бы чувствовать себя девочка Дороти, перенесшаяся из своего черно-белого мира в ослепительно-яркую Страну Оз в красках «Техниколор». Ощущение было столь реальным, что Эмили казалось, среди цветов вот-вот появятся жевуны³ и споют ей песенку. Она тряхнула головой, изумляясь, с какой удивительной быстротой переменилась ее жизнь. Только что она камнем катилась под откос, а теперь вот вдруг очутилась... здесь.

Запрокинув голову к солнцу, девушка закрыла глаза. По лицу, словно шелковый шарфик, скользнул легкий бриз.

– Я в восторге, – проговорила она, пока за ее спиной закрывались ворота. – Уже знаю, что мне не захочется отсюда уезжать.

³ Дороти и жевуны – персонажи детских книг американского писателя Л.Ф. Баума (1856–1919) о чудесной Стране Оз.

Глава первая. Эмили

У Эмили по спине бежали мурашки, руки покрылись гусиной кожей.

– Извиняюсь, – сказала высокая блондинка, которая не потрудилась представиться. – Мы будем готовы через секундочку. – Она все еще возилась с цифровой камерой, пристраивая ее на треножнике.

Эмили вежливо улыбнулась. Она бесчисленное множество раз бывала на кастингах в таких вот церковных холлах, но в этом оказалось как-то особенно холодно – сквозняки здесь гуляли на редкость лютые. Между стенами носилось эхо, плясало по всему помещению, и было почти невозможно разобрать, кто что говорит.

Бородатый мужчина, сидевший за деревянным столом, подавил зевок.

– Прошу прощения, – пробормотала блондинка, – еще секундочку... Ага! Вот теперь полный порядок. Сего-дня мы записываем выступления всех претендентов – нам это пригодится, когда будем обсуждать финальный актерский состав. Надеюсь, вам это не доставит неудобств, Эмили? Просто постарайтесь не обращать на камеру внимания.

Девушка кивнула, чувствуя, что, несмотря на холод, ноги под юбкой покрываются испариной.

– Отлично, тогда начинаем съемку. Представьтесь и назовите имя своего агента в объектив, а затем сразу переходим к сцене.

Эмили, закрыв глаза, сделала глубокий вдох и медленно выдохнула, приказав себе: «Просто дыши».

Бородач принялся ковыряться в зубах. Эмили узнала его в лицо сразу, как вошла, но в реальной жизни он оказался subtilным и совсем не таким красивым, как на экране. Одна костлявая нога закинута на другую, под тканью брюк выпирают острые колени, руки скрещены на груди – всем своим видом этот человек выражал полнейшее безразличие.

– Не спешите. Начнем, когда будете готовы. – Блондинка покосилась на часы.

Эмили сглотнула: «Дыши. Давай же! Ты справишься», – и кивнула еще раз. Мол, готова.

– О,кей, – сказала блондинка. – Поехали.

* * *

– Простите... Простите! Можно пройти? – Эмили работала локтями, проталкиваясь сквозь толпу пешеходов, неспешно текущую по тротуару. Огибая парочку, увлеченно делающую селфи, она споткнулась о колесо детской коляски, взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, и ударилась запястьем о фонарный столб. Пнула столб в отместку, выругалась вполголоса, дважды. Владелица коляски от этого брезгливо скривилась и поспешила увезти свое чадо подальше.

Эмили вытерла глаза рукавом. К кастингу она готовилась несколько недель – и с треском провалилась. Она крепко-накрепко затвердила слова и думала, что они надежно сохранены в памяти, но, когда дошло до дела, весь текст куда-то улетучился и остался только панический внутренний монолог, скороговорка о страхе и неуверенности в себе: «Я не смогу я забуду слова не сумею не справлюсь им не понравится я не чувствую ног не смогу не смогу». Перед камерой она кашляла, запинаясь, потела, а под конец ее чуть не вырвало. «Ну почему это все время происходит? Что со мной не так?»

Кроме того, она сделала большую глупость, решив срезать обратный путь по Карнаби-стрит. Надо было догадаться, что в обеденное время здесь не протолкнуться. «Дура, дура, дура, всё у тебя наперекосяк!» Эмили достала телефон – посмотреть, который час, – и уско-

рила шаг, ввинчиваясь в гущу уличных музыкантов и актеров. Наконец ей удалось вырваться из давки, и она поспешила по улочкам, ведущим к офису, а вскоре, запыхавшись, ввалилась в вестибюль через дверь-вертушку. На табло ближайшего лифта загорелся сигнал, она устремилась туда и на полном ходу врезалась в высокого мужчину, как раз выходившего из разъехавшихся серебристых дверей.

– Извините, – пробормотала Эмили прямо в отглаженный лацкан пиджака.

– Ничего страшного, – сказал мужчина.

Он пропустил ее внутрь лифта, придержав дверцы, и она влетела туда, успев в последнюю секунду осознать, что столкнулась не с кем-нибудь, а с генеральным директором компании.

– Черт! – выпалила Эмили, глядя в спину удаляющемуся боссу, и зажала рот рукой, а в следующую секунду крикнула ему вдогонку: – То есть добрый день, мистер Денни! – и тыкала пальцем в кнопку пятого этажа, пока дверцы лифта не закрылись.

Окинув взглядом свое отражение в зеркальных стенках кабины, она пришла к выводу, что выглядит, как городская сумасшедшая: волосы висят сосульками, над верхней губой блестит пот, тушь потекла, и вокруг глаз темные пятна. Впрочем, именно этого и следовало ожидать после такой пробежки от Сохо до Мейфэра⁴.

Дверцы лифта снова с шипением разъехались; Эмили, втянув голову в плечи, проскользнула по блестящим плитам пола и нырнула за конторку администратора. Оглядевшись, она тут же принялась изображать бурную деятельность – греметь ручками и шуршать бумажками, мол, это кто только что примчался? Я? Да я тут с утра тружусь, аки пчелка! По счастью, на нее вроде бы никто не обратил внимания. Она оттянула воротник блузки и подула внутрь, словно так можно было высушить обильный пот.

– Взмокла, раскраснелась, задыхается... Похоже, кто-то вместо обеда сгонял на танцульки.

Эмили резко обернулась. Над развернутой газетой по-шпионски вынырнула зализанная голова. «Черт. Дэвид». Начальник отдела кадров «Проуэм Партнерс» сидел на низком диванчике, закинув ногу на ногу, и смотрел на девушку, неодобрительно вскинув бровь.

«Попалась...» Эмили решила попробовать обратить все в шутку.

– А почему бы нет? – заулыбалась она. – Сегодня же среда. Маленькая пятница.

Дэвид тоже изобразил натянутую улыбку.

– Ты опоздала, – констатировал он, постучав по циферблату часов. – В очередной раз.

– Да-да, прости. Не уследила за временем.

– Опять на кастинг ходила?

– Э-э... да. Прости, я никого не предупредила, потому что все решилось в последний момент.

– Ясно. Что ж, не заставляй же нам ждать режиссера Спилберга, верно? – Дэвид театральными жестами сложил газету, встал и разгладил складки на дорогой рубашке, глядя куда-то мимо Эмили. – Так как все прошло? Скоро из тебя сделают звезду?

– Все прошло отлично, – соврала она. – Скрестила пальцы, жду ответа.

– Держи в курсе.

– Непременно.

Последовала неловкая пауза. Эмили принялась складывать письма и документы в стопку, Дэвид таращился на нее с неприятной улыбочкой. Что ему еще нужно? Заняться, что ли, больше нечем, кроме как торчать здесь, возле ее конторки?

– Ну ладно. Надо бы мне взяться за работу. Наверстать упущенное, – прозрачно намекнула она.

⁴ Сохо и Мейфэр – районы в центре Лондона.

– О, разумеется. – Однако Дэвид не сдвинулся с места. Он побарабанил пальцами по конторке. – Послушай-ка, Эмили...

– Да?

– Можно тебя на пару слов? В переговорной.

Вид у него при этом был одновременно снисходительный и коварный, так что у Эмили екнуло сердце. Она хорошо знала подобное выражение лица. Видела его не раз у своих прежних начальников.

– Да, конечно, – сказала она, вскочив чересчур поспешно – кресло от этого откатилось и ударилось о стену.

Шагая вслед за Дэвидом к переговорной, Эмили от души надеялась, что обещанная «пара слов» будет вовсе не о том, чего она так боится.

Надежда не оправдалась.

«Уволена», – подумала Эмили, когда Дэвид закончил свою речь. Произнести это вслух было выше ее сил. Не важно, сколько раз подобное с ней уже случалось – привыкнуть к такому унижению невозможно.

– Но... – пролепетала она.

«Нет, нет, нет, я не могу потерять эту работу», – вихрем пронеслось в голове, и все замороженные мысли вдруг оттаяли, потоком хлынув с языка:

– Мне искренне жаль, такое больше не повторится, на самом деле я очень пунктуальна и обязательно это докажу, я буду изо всех сил стараться, обещаю! Мне просто необходим еще один шанс!

Дэвид пожал плечами. Его лицо, похожее на морду хорька, так и сочилось фальшивым сочувствием.

– Эмили, ты мне нравишься, сама знаешь. Но решения принимаю не я, иначе ты бы тут работала до скончания дней.

– Так. Окей. А чье это решение? Может, замолвишь за меня словечко?

«Не проси. Ничего не проси, – тут же приструнила она себя. – Не пресмыкайся. Неужели дерьмовая работа, которую ты сама считала временной, того стоит? Ты выше этого». Но слова вылетали сами собой:

– Может, для меня найдется другая должность, не такая ответственная? Наверняка же тут нужно делать что-нибудь еще?

– Да ладно, зачем тебе вообще нужна эта контора? Такой-то красоте? – Дэвид протянул руку, будто хотел провести пальцами по ее волосам, но, к счастью, передумал в последний момент. – Уверен, Голливуд уже ждет тебя не дождется.

У Эмили вспыхнули щеки. В данный момент зарплата от компании «Проуэм» была единственным доходом для ее существования. За халтуру – съемки для корпоративного телевидения, участие в читке пьес и сценариев – платили безнадежно мало, а гонорары перечисляли с большими задержками.

Когда неприятная процедура наконец была пройдена, Дэвид потрепал Эмили по плечу, как директор школы, отправляющий в класс опоздавшую ученицу после выговора, и она побрела в приемную, оказавшуюся в это время спасительно пустой, за конторку, которая ей уже не принадлежала. Позади хлопнула дверь переговорной и зазвучали деловитые шаги Дэвида, направлявшегося в глубь этажа. Затем, словно внезапный снегопад, на Эмили обрушилась гробовая тишина.

«Вот дерьмо...» И что теперь делать? С одной стороны, увольнение означает, что ей больше не придется притворяться, будто ее увлекает раскладывание бумажек по папкам или она озабочена тем, чтобы клиенты чувствовали себя комфортно. Но с другой – скоро нужно будет платить за аренду квартиры, она сильно превысила кредитный лимит по своей банковской карте, а халтура в ближайшие дни вряд ли подвернется. Джейми, менеджер из агентства

временного найма, недавно жаловался ей, что они крутятся, как могут, чтобы обеспечить работой своих клиентов, и было ясно, что увольнение не поднимет ее в первые ряды соискателей.

Эмили подняла голову и уставилась в экран компьютера. Зазвонил телефон, но она не обратила внимания. Увы, других вариантов нет – нужно сочинить слезоточивую историю, набрать номер Джейми и уповать на его милость.

* * *

Необходимости досидеть до конца рабочего дня у Эмили не было, однако время после обеда выдалось жаркое – всякий раз, когда она начинала собирать свои вещи, кто-нибудь подсакивал к конторке и принимался давать указания настолько быстро и властно, что она не успевала объяснить, что формально больше здесь не работает. А потом на деловую встречу явилась дама с четырехлетним сынишкой и сгрузила его к ногам Эмили, как чемодан в аэропорту, так что теперь возможность поскорее убраться восвояси пропала окончательно. Малыш выглядел таким несчастным, что Эмили ничего не оставалось, как затеять с ним веселую игру в прятки между кадками с фикусами, параллельно отвечая на звонки и расписываясь за доставленные курьерами конверты.

Мало-помалу ей сделалось совсем тоскливо. Глядя на хорошо одетых людей, целеустремленно проходивших через приемную, она думала о том, что дает постоянная работа. Приличные деньги, уверенность в завтрашнем дне, окружение и общение с приятными коллегами, пятничные вечеринки... Все это казалось таким утешительным...

Затем Эмили вдруг поняла, как ей все-таки нравилось в «Проуэме» все эти полтора месяца. Конечно, нельзя сказать, что она здесь уже полностью освоилась, но люди начали здороваться с ней в буфете, она даже получила забавную анкету для «корпоративного бюллетеня», что бы это ни значило. «Знакомимся с командой» – такова была тема письма, а в самом письме кратко сообщалось, что ее ответы вместе с фотографией будут разосланы сотрудникам на следующей неделе. Приятно было чувствовать, что ее считают своей.

Теперь Эмили уже намеренно искала предлог задержаться подольше. Забота о брошенном мальчике ее немало воодушевила – она придумала уйму хитроумных способов его развлечь: загадки, фокусы, поиски сокровищ. Между делом подмела пол. Истошно запищал ксерокс – зажевал бумагу, и ее нужно было вытащить. Кофемашину потребовалось очистить, а подушки на диванах – поправить. Эмили хотелось оставить здесь все за собой в идеальном порядке. Быть может, кто-то поймет, какой незаменимой сотрудницей она была, и позовет обратно. Но когда суeta в офисе пошла на спад, а мама мальчика вернулась наконец за своим радостно визжащим, хохочущим и крайне довольным чадом (Эмили еще и конфетами успела его накормить), стало ясно, что теперь уж точно пора покинуть это место навсегда.

Взяв сумку, она огляделась в последний раз. Возможно, в какой-нибудь параллельной вселенной ее двойник делает карьеру именно в такой компании. Возможно, ее двойник в костюме от Стеллы Маккартни и с кейсом в руке сейчас деловито шагает по этой приемной.

Однако уже в лифте, снова изучив свое отражение в зеркале, Эмили покачала головой. «Ну нет, – заключила она. – Вряд ли».

Глава вторая. Скотт

Округлый кончик шариковой ручки был слишком тупым, чтобы пробить кожу, хотя Скотт Денни очень старался – вдавил его в самую середину ладони и медленно провернул, как шуруп, – сначала в одну сторону, потом в другую, ввинчивая металл в собственную плоть.

Было больно, но недостаточно сильно. Он пошарил взглядом по рабочему столу, пребывавшему в идеальном порядке, поискал что-то более подходящее, но ничего такого не наблюдалось. Мобильным телефоном себе много вреда не причинишь. Металлические штыри зарядки тоже не подойдут, даже если ткнуть ими в руку со всей дури. Можно, конечно, шарахнуть по пальцам вон той тяжелой гранитной статуэткой. Или разломать фоторамку и порезать предплечье осколком стекла. Жалко, нет большого степлера – пригодился бы продырявить пару раз бедро.

Однако все эти варианты пришлось признать чересчур неопытными, шумными и подозрительными.

По другую сторону стола, в датском вертящемся кресле из вишневого дерева вырисовывался изящный силуэт Верити, занимавшей при Скотте должность личного помощника. Она щебетала без умолку, время от времени пробегая пальчиками с безупречным маникюром по клавиатуре ноутбука, если требовалось внести изменения в его повестку дня.

– Исполнительный директор из «Алькира-Данн» явится завтра к восьми тридцати со своим юристом, после этого у вас на конференц-связи будет представитель «Трасс энд Болдер». Он надеется, что мы выкупим контрольный пакет акций. Я с ним уже переговорила – у него нет никакого бизнес-плана, к тому же мы еще не до конца выяснили намерения конкурентов, так что надо заняться этим сегодня вечером. Если вам необходимо ознакомиться с его продукцией, у вас для этого найдется время перед деловой встречей за обедом. А теперь мне нужны ваши указания по поводу...

Она все трещала, трещала, трещала...

А под столом шариковая ручка все глубже впивалась в ладонь. *Тык, тык, тык.*

Пора бы уже остановиться, не то дыра будет насквозь.

Небо, расчерченное на квадраты бронзовыми оконными рамами, было грязно-серое, как сточная вода. Куда подевался сияющий полдень? Еще пара часов, и на улицах зажгутся фонари – огненная линия протянется от Гросвенор-стрит до самого Гайд-парка, освещая дорогу домой для всех, кроме таких, как он – ночных хищников, у которых протяженность дня не измеряется рассветами и закатами, зависит не от движения солнца, а исключительно от начала и окончания биржевых торгов.

Неожиданно до Скотта дошло, что настала тишина. Он вскинул взгляд – Верити умолкла на полуслове и смотрела на него как-то странно.

– Что? – спросил он.

– Вчерашний старт. Мне нужно знать, желаете ли вы, чтобы я продолжила собирать информацию и связалась с их руководством.

Скотт попытался вспомнить вчерашний день, но не преуспел.

– У вас все в порядке? – На кукольном личике Верити отразилось беспокойство.

– В полном. – Он слабо улыбнулся. – Просто небольшие домашние неурядицы. Ничего серьезного. Да, назначь мне встречу. Что-то еще?

Верити снова покосилась на него и вернулась к экрану ноутбука. Отговорка, похоже, не убедила помощницу, но у нее хватило деликатности, чтобы отстать.

Тык, тык, тык.

У лежавшего на столе мобильного засветился экран, демонстрируя Скотту начало нового сообщения. Их, непрочитанных, скопилось уже длинная вереница.

Пожалуйста, поговори со мной...
Прошлой ночью я подумала...
Ты нам нужен, не...
Клянусь, если ты...
Сволочь, ненавижу тебя...
Эгоистичный безмозглый ссыкливый подонок...

Тык, тык, тык.

Он кивал Верити, не слушая, что та говорит, а сам уносился мыслями все дальше и дальше из офиса. Картинки в голове завихрились птичьей стайкой, слепя красками и вспышками света. Он увидел оранжевое солнце, прячущееся за венчиками пампасной травы. Мокрые отпечатки ног, быстро испаряющиеся на разогретых солнцем плитах.

Затем подушку, пухлую, мягкую. Указующий перст, тонкий, деликатный.

И звезды. Густой покров из звезд, рассыпанных на чистом сине-черном небе.

Скотт с трудом подавил острое желание ударить себя. Зашарил вокруг взглядом, словно искал, за что уцепиться, чтобы обрести опору. Сквозь застекленные стены его кабинета видны были сотрудники – муравьи, переползающие из комнаты в комнату, как в замедленной съемке. Приходили и уходили клиенты. Младший персонал то и дело выныривал в коридоры за вожделенными чашечками с эспрессо. А в приемной вдруг закачался в кадке огромный фикус, потому что за него пыталась пролезть вполне взрослая белокурая девушка.

Скотт пригляделся внимательнее. Померещилось? Нет. Его секретарша действительно решила спрятаться за фикусом. Внезапно из-под конторки выскочил маленький мальчик и радостно запрыгал на месте, нацелив палец на блондинку, которая выбрала не слишком надежное укрытие. Она прижала руку к груди, словно ее пронзила пуля, и повалилась на пол, а мальчишка с ликующим визгом уселся на нее верхом.

Скотт убрал шариковую ручку от своей ладони.

Он зачарованно наблюдал, как девушка барахтается, пытаясь встать на ноги. Вторую атаку она предотвратила фокусом: достала из-за уха малыша конфету, и тот ошеломленно вытаращил глаза. А Скотт впервые за долгое время искренне улыбнулся.

Тут в дверь тихо постучали. Они с Верити одновременно повернули головы – в щель просунулась подобострастная физиономия Дэвида Махони.

– Извините, что прерываю, – сказал он. – Просто хотел сообщить, что дело сделано. Я с ней поговорил.

Скотт моргнул:

– С кем?

– С временной секретаршей из приемной. Я ее уволил. Как... как было условлено... мы обсуждали... – Дэвид покосился на Верити, но та лишь пожала плечами.

– О. – Скотт снова посмотрел в сторону приемной. Теперь девушка скакала вокруг конторки и размахивала руками, словно крыльями. – Да. Хорошо. Спасибо.

Дэвид картинно схватился за сердце:

– О господи, не делайте так. На секунду я подумал, что ошибся.

– Нет. Нет, все правильно.

– Ну и слава богу. – Кадровик визгливо хихикнул. – Я уж было решил, что буду следующим, кого выставят за дверь!

Скотт пристально посмотрел на него.

– О,кей... э-э... – забормотал Дэвид, – она уже, наверно, пакует вещи, пока мы с вами разговариваем.

– Это не срочно, – качнул головой Скотт. Секретарша в приемной заворачивала в салфетку горстку маленького печенья. Сверток она вручила мальчику.

Дэвид удалился чуть ли не с поклоном; дверь за ним закрылась с легким щелчком.

Последовала короткая пауза, за время которой Верити вопросительно вскинула красиво очерченную бровь.

– Могу я поинтересоваться, чем она вам не угодила?

Скотт ничего не ответил, и помощница вернулась к своему ноутбуку. Вместо того чтобы действовать ему на нервы дальнейшими расспросами, она выбрала казнь получше: снова принялась сыпать бессмысленными цифрами и именами.

А фоном для ее монолога теперь стал тихий неприятный звук.

Кап, кап, кап.

Скотт нахмурился. Звук доносился из-под стола. Противное мокрое шлепанье. Где-то рядом с его ботинком.

Кап, кап, кап.

Скосив глаза, он обнаружил там, на полированной плите пола, множество темных пятен крови. «Ого! Смотри, что делается!» – чуть не вырвалось у него.

Однако... нельзя недооценивать тупые инструменты.

Глава третья. Эмили

Эмили миновала главный вестибюль, вышла на улицу и, обогнув офисное здание, свернула налево, к супермаркету «Теско Метро» около станции подземки. Она проголодалась, а дома на кухне было шаром покати. Мысленная ревизия холодильника выявила крошечный кусочек окаменевшего сыра, банку с пастой карри, кетчуп и морковку. Из таких ингредиентов ничего съедобного не соорудил бы даже Джейми Оливер⁵.

На ходу Эмили проверила телефон – ни пропущенных звонков, ни новых писем, только эсэмэска от Лары, ее агента, с напоминанием о двух кастингах в ближайшие дни и о формальной встрече, которую они назначили всего час назад. Эмили поспешно набила ответ: «Помню! Завтра увидимся», – и ускорила шаг. Хотя какая-то польза от увольнения – теперь не придется украдкой отлучаться с работы. Может, это знак судьбы или вроде того? Что, если ее уволили не просто так, а чтобы она смогла пойти на эти кастинги? Пути вселенной загадочны и неисповедимы.

В супермаркете, бродя между рядами с корзинкой, болтающейся на сгибе руки, Эмили поймала себя на том, что напевает под тихо звучащую в зале музыку. Она взяла молоко, яйца, крупу, репчатый лук, помидоры и курицу. В каком-то жизнерадостном порыве бросила в корзину копченого лосося и авокадо, а к тому времени, как добралась до платежного терминала, успела разжиться еще плиткой хорошего шоколада и упаковкой из четырех бутылок «Бакарди Бризер»⁶. А почему бы и нет?

Увы, объяснение «почему нет» вскоре высветилось на экране терминала – оплата не прошла за отсутствием средств на счете.

Эмили нахмурилась: быть такого не может, у нее на этом счете точно остались средства. Гонорар пока не перечислили, но плата за квартиру спишется только на следующей неделе, так что сейчас денег должно хватить.

Рядом сразу возникла сотрудница «Теско»:

– Вам помочь?

– Нет-нет, – улыбнулась ей Эмили. – Все в порядке, просто я воспользовалась не той картой. Секундочку...

Она достала из сумки телефон и открыла банковское приложение. На экране появилась детализация по счету. «Блин!» Автоплатеж за квартиру на этой неделе, а не на следующей. И цена аренды увеличилась, а это означает, что она опять превысила кредитный лимит и теперь придется писать третье за последние несколько месяцев заявление. В банке ее на смех поднимут.

– Уверены, что вам не нужна помощь? – снова дала о себе знать сотрудница супермаркета.

– Да, никаких проблем. – Эмили полезла было в сумку за кредитной картой, но вспомнила, что та заблокирована из-за просроченных платежей. «Нет-нет-нет!» В голове мелькнула мысль выскочить из магазина, не заплатив, но вместо этого, густо покраснев, девушка подозвала сотрудницу «Теско» обратно. – Вообще-то небольшая проблема все-таки есть. Мне ужасно неловко, но я оставила дома действующую карту – по ошибке взяла вместо нее старую. Они выглядят совершенно одинаково, такая вот неприятность.

Сотрудница уставилась на нее поверх очков, всем своим видом показывая: меня не обдурить.

⁵ Джейми Оливер – популярный английский повар, владелец сети ресторанов, автор популярных кулинарных книг и телешоу.

⁶ «Бакарди Бризер» – слабоалкогольный фруктовый напиток в маленьких бутылках.

– Вы можете сходить домой за картой, мы отложим вашу корзину и подождем вас, – сказала она.

– Э-э... нет, я живу довольно далеко отсюда, так что... Послушайте, давайте я просто заплачу за часть продуктов, а лишние оставлю?

Миссис Меня-не-Обдуришь закатила глаза, затем молча нажала на терминале несколько кнопок, вставила в картридер свою служебную пластиковую карту, стерла список покупок Эмили и вывела на экран стартовую страницу.

– Спасибо. Извините. – Девушка заплатила за «Бакарди Бризер», молоко и яйца, а потом долго смотрела, как ее продовольственные капризы уносят прочь.

Выйдя на улицу, она принялась нервно грызть ногти. Гонорар ей перечислят на следующей неделе, но он лишь покроет плату за квартиру в следующем месяце – на еду и поездки ничего не останется. И на коммунальные услуги тоже. Она вспомнила про напоминание о неоплаченном счете за электричество, приклеенное к холодильнику.

Похоже, дело – швах. Миссис Меня-не-Обдуришь права: ей нужна помощь.

* * *

Эмили не пошла сразу на станцию, а прогулялась по переулкам возле Пикадилли-Сёркус и Трафальгарской площади до реки. Воздух в затянутом смогом Лондоне нельзя было назвать свежим, но все лучше, чем гулкая духота подземки. Нужно было немного проветрить голову.

На мосту Голден-Джубили она поставила пакет с покупками к ногам и достала из кармана телефон. Внизу плавно скользила бурая, мутная Темза. Палец Эмили застыл над номером матери в списке контактов. Ну что, хватит духу позвонить ей? Достигнута ли нужная степень отчаяния?

«С меня довольно! – орала Джулиет в их последнюю встречу. – Ты не можешь так поступать! Не можешь пропадать где-то несколько месяцев без единого звонка и мейла, а потом заявляться невесть откуда и опять кланчить деньги!» Потом обе некоторое время потрясенно молчали, не зная, как теперь заделать эту пробитую криком брешь. Первой, как всегда, постаралась все исправить Джулиет. «Прости, что повысила на тебя голос, – сказала она с окаменевшим лицом. – Но мы с отцом так о тебе беспокоились, боялись, что... Послушай, мы были бы счастливы тебя увидеть просто потому, что тебе захотелось нас навестить, а не потому, что тебе что-то от нас нужно».

И тут бы Эмили тоже надо было извиниться и пойти на мировую, но она выбрала неверный путь. «Мне так жаль, что я стала для вас страшным разочарованием, – сказала Эмили. – Но вы сами решили удочерить фиг знает кого фиг знает где. Если вам нужен был идеальный ребенок, надо было оставить меня там, где нашли!»

Джулиет отшатнулась, будто ее ударили: «Ты несправедлива, Эмили. И сама это понимаешь».

Эмили понимала это, однако в ее словах была доля правды. Кроме того, ей доставляло удовольствие выводить из себя безгрешную приемную матушку. «Ах, я так безнадежна? Ни лучика надежды? Ну, не повезло вам. Какая жалость!» Впрочем, в этот раз смотреть на перекошенное лицо Джулиет было почему-то не так приятно.

Поколебавшись, Эмили положила телефон в сумку. Река все так же текла под ней, широкая, глубокая. Ленивые волны ласкали стылые камни набережной, шлепали по бортам прогулочных судов, и Эмили почувствовала мимолетное желание броситься в воду. Жизнь вдруг показалась такой... необъятной. Она уже взрослая женщина, но по каким-то причинам ей трудно справляться с самыми простыми вещами. Она так и не разобралась с договором на аренду. Налоговые декларации были для нее китайской грамотой. Разговоры об ипотеке и ссудах на малый бизнес (крайне редко звучавшие в ее окружении, но все же периодически слу-

чающиеся) с тем же успехом могли бы звучать на урду, поскольку не имели для Эмили ни малейшего смысла. Она как будто постоянно чувствовала себя озадаченной и сбитой с толку. Может, подумалось ей, именно поэтому она без работы и без гроша в кармане стоит одна на мосту с половиной запланированных покупок.

Тяжело вздохнув, Эмили подхватила свой пакет и, отвернувшись от воды, направилась домой.

* * *

Как обычно, дверь дома заклинило, потому что под ней замялся кривой коврик, и Эмили пришлось протискиваться в узкую щель. При этом ее кардиган зацепился за штырек на щеколде, и в нем появилась маленькая дырочка. «Дерьмо», – пробормотала девушка, безуспешно пытаясь закрыть дверь за собой. Ничего не получалось. В конце концов она ударила в створку ногой. Из-за этого отвалилась дверная ручка.

Даже не взглянув на нее, Эмили устало побрела вверх по ступенькам, сметая рукавом тонкий слой пыли на перилах. В квартире витал неистребимый запах карри – благодаря индийскому ресторанчику на первом этаже, – но сегодня к нему примешивалась еще и гарь от пережаренных тостов. Должно быть, Спенсер готовит себе ужин.

Эмили пошла на кухню, ожидая увидеть соседа по квартире на его любимом местечке за столом. Наверняка сидит там, склонившись над мешочком с табаком и бумажками для самокруток. Соседа не было, однако имелись признаки того, что он только что ушел, – полная пепельница смятых окурков на столе и полупрозрачная завеса табачного дыма в воздухе. Рядом с грязными тарелками лежала початая упаковка маргарина, а в углу торчали из мусорного ведра коробки из-под готовой еды.

Брезгливо скривившись, Эмили положила маргарин в холодильник, открыла окно, оглядела стол в поисках чистого стакана – такого, у которого на дне нет лужицы алкоголя, – и краем глаза заметила среди объедков записку на листе бумаги с жирными пятнами.

«Прикинь, – писал Спенсер ленивым неразборчивым почерком, – арендную плату опять повысили, хозяева совсем оборзели. У нас четыре недели на решение».

Эмили опустила на стул, подперла голову обеими руками и принялась соображать, у кого из ее подруг может сейчас найтись свободная комната или хотя бы пустой диван в углу, где можно перекантоваться. И, к своему удивлению, пришла к выводу, что ни у кого.

«Как это возможно? У меня же много подруг!»

Подруг, с которыми она училась, действительно было много, но большинство из них уже отчаялись сделать карьеру, уехали из столицы, повыходили замуж и нарожали детей. Теперь все они жили в разных уголках страны своей собственной жизнью и порой присылали ей приглашения на мероприятия, казавшиеся Эмили бессмысленными – к примеру, на какие-то благотворительные базары или на вечеринки по случаю объявления пола новорожденного. Она понятия не имела, зачем все это нужно, а когда, сделав над собой усилие, все-таки приезжала в гости, не знала, как там себя вести, что говорить и что делать. Ее одноклассницы словно улетели на Луну, обустроились там, а ее оставили далеко позади.

Из подружек, еще остававшихся в Лондоне, на ум пришли только две, которые могли бы ее приютить, но Луиза, уезжая на гастроли, всегда сдавала квартиру внаем, а у Реи недавно умер отец, так что время обращаться к ней, наверное, было неподходящее. К тому же жилище Реи напоминало наркоманский притон. В прошлый раз, оставшись у нее ночевать, Эмили проснулась в восемь утра с дьявольской головной болью и в окружении бородатых мужиков, безудержно куривших траву. Спросить, кто они такие и откуда тут взялись, у нее не хватило духу, в результате она просто сделала вид, что их присутствие ее не удивляет, и следующие полчаса молча смотрела с ними телевизор. Мужики таращились в экран остекленевшими гла-

зами, слушая жуткую сводку новостей о домашнем насилии, убийствах и стрельбе в людных местах. Эмили тоже слушала, пока не набралась храбрости встать и выйти из комнаты.

А потом Рея с серым лицом нетвердой походкой заявила к Эмили и принялась упрашивать, чтобы та сходила с ней на день рождения племянницы, которой исполнялось два года. «Ну пожалуйста, Эм, – канючила она, – одна я этого не выдержу». В итоге они вместе отправились в чистенький беленький домик в Путни, кишевший розовощекими детьми. Эмили никогда в жизни не чувствовала себя такой грязной. Это было три года назад, и с тех пор с Реей они не виделись.

Разумеется, можно было бы пожить у родителей, но при мысли о том, что нужно пусть временно, но вернуться к Джулиет и Питеру, ее начинало тошнить. Оставался еще один вариант, не менее ужасный. За последние пять-шесть лет Эмили уже бесчисленное число раз звонила матери и просила у нее денег. Всегда обращалась к Джулиет, а не к Питеру, который направо и налево всем рассказывал, что современных детей, по его мнению, нужно учить самостоятельности, хватая их за шкирку и швыряя в бурные волны взрослой жизни без спасательного жилета. Зато Джулиет в конце концов всегда уступала. Однако Эмили сомневалась, что так будет и в этот раз.

После своего прошлого визита она родителям не звонила, так что весь спектакль придется проиграть с самого начала. А какой у нее выбор? Жить в коробке на помойке? Все-таки мать скорее будет готова расстаться с некоторой суммой, чем смотреть, как ее дочь спит на пороге. Такая вероятность составляла восемьдесят процентов. Ну ладно, семьдесят пять.

Эмили покосилась на телефон. Во рту пересохло.

«Просто сделай это».

Она схватила мобильник и нажала на кнопку быстрого набора.

Джулиет ответила через шесть долгих гудков:

– Алло, Эмили? Это ты?

– Да, это я. Привет.

– Привет, милая! Я так рада, что ты позвонила! Подожди минутку... Я сейчас... Тут тебя не слышно...

– Алло! Ты где?

Из динамика доносился какой-то фоновый шум – звяканье, смех и музыка.

– Не вешай трубку, – сказала Джулиет. – Я только...

Раздался скрип, стук, и посторонние шумы исчезли.

– Ну вот, так гораздо лучше, – продолжила мать. – Прости, я в ресторане. Помнишь, тот, на углу, где раньше был старый банк? Они там все переделали. Теперь все очень мило, и готовят превосходно.

– Здорово. – Эмили сделала вдох. – Слушай, я хотела извиниться... ну, знаешь... за тот раз. Мы не очень хорошо расстались. Я переживала...

– О, спасибо, милая, извинения приняты. – Джулиет помолчала. – Давай просто забудем об этом, и всё, о,кей?

– Правда забудем?

– Конечно.

– О,кей. Значит, у нас все хорошо?

– Да, солнышко, все хорошо.

– Круто. – Эмили скovyрнула вилкой засохший на краю стола яичный желток. – Так... как у тебя дела?

Джулиет рассмеялась:

– Отлично, а что? – Она сказала это таким тоном, будто ждала еще каких-то слов.

«Странная она сегодня какая-то», – подумала Эмили и спросила:

– А у Питера?

– У твоего отца тоже все прекрасно. Он, кстати, здесь. И бабушка с дедушкой, и тетя Кэт тоже. Хочешь с ними поговорить?

– О нет, не буду их беспокоить. – На смену чувству вины пришла обида. «Какая прелесть. Семейный ужин без паршивой овцы. Всё, как они любят». – Знаешь, – быстро заговорила Эмили, решив не тянуть резину, – тебе это не понравится, но, пожалуйста, выслушай меня, потому что я... э-э... у меня все очень плохо.

– Ты заболела?

– Нет, и умирать не собираюсь, но дела и правда хуже некуда. Я в беде.

– Ты меня пугаешь. – Джулиет сдавленно хихикнула. – Надеюсь, ты не беременна? Спрашиваю, потому что *точно знаю*, что ты звонишь не для того, чтобы опять попросить денег.

– Я же сказала – тебе это не понравится.

– Эмили...

– Я не стала бы тебе звонить без крайней необходимости.

– Эмили, стоп. – Тон Джулиет совершенно изменился. – Ты собираешься попросить у меня денег? Да или нет?

Девушка сглотнула. Никаких обходных путей не осталось.

– Типа того. Да. Но пожалуйста, поверь мне, я правда в отчаянном положении!

На другом конце линии раздался вздох, а затем странный звук – то ли смешок, то ли всхлип.

Эмили упрямо слушала звон столовых приборов и неразборчивый гул голосов в ресторане, готовясь вытерпеть очередную нотацию.

– Ну ладно тебе! – не выдержав, первой прервала она молчание. – Не говори, что ты потрясена моей просьбой. – В ее словах звучала горечь, хотя Эмили старалась себя контролировать.

Джулиет наконец заговорила, и голос у нее теперь был хриплый:

– Нет, я не потрясена. Ничуть. Просто я думала...

– Что? Что ты думала?

Раздалось сопение, и зашуршал бумажный платок.

– Я думала, ты звонишь, чтобы поздравить меня с днем рождения.

«О, черт».

– Джулиет, я...

В динамике щелкнуло, и зазвучали короткие гудки.

Глава четвертая. Скотт

Для Скотта каждый рабочий день начинался ранним утром с особого ритуала. Он приезжал в офис до рассвета и бродил из кабинета в кабинет, любовно проводя пальцами по уголкам и изгибам своего королевства. Под пальцами скользили мягкая кожа, полированное дерево, матовое стекло, черная сталь, а в голове шла безмолвная инвентаризация. Скотт знал это здание досконально – все закоулки, все повороты; он лично руководил процессом реконструкции, начиная с того момента, когда строители снесли первую стену, и заканчивая работой электриков, монтировавших розетки. Он помнил каждый пункт в плане, каждое решение, каждую закупку материалов. Этот офис был его детищем, видением, мечтой, в буквальном смысле воплотившейся в жизнь.

Много лет назад, после окончания университета и перед выходом на свою первую работу в инвестиционном банке, Скотт заснул в поезде между Лондоном и Бристолем, а когда проснулся, уже точно знал, как будет строить свою карьеру. С кристальной ясностью ему представилось, что однажды он станет основателем собственного фонда, ориентированного в основном на развитие и поддержку стартапов, и построит идеальный корпоративный дворец, где этот фонд разместится. Он уже видел строгую красоту офисных кабинетов, мнимую простоту их стиля, достигнутую баснословными расходами. С тех пор он лелеял свою мечту и неустанно трудился для того, чтобы она осуществилась. Так он всегда и действовал – в детстве, в юности, в молодости и во взрослой жизни мечтал, планировал и методично работал, воплощая собственные мысли в реальность.

Каким-то образом ему удалось и свою семейную жизнь создать таким же способом. Скотт мечтал об идеальной девушке, которая станет его идеальной женой, и не сразу поверил в свое счастье, когда Нина появилась за стойкой в местной кофейне. Никого прекраснее он в жизни не видел. Она была чудом, ожившим портретом той, кого он придумал: таинственная незнакомка из заморских краев, свежая, как брызги океана. Это была любовь с первого взгляда. И Скотт уже знал, что вместе они создадут нечто безупречное, несокрушимое. И конечно же, словно по волшебству, их идеальная жизнь воплощалась у него на глазах.

Долгое время действительно казалось, будто, стоит Скотту чего-нибудь пожелать, это сразу же появляется в их жизни. Даже Нина не ставила под сомнение его способность вызывать особенные события. Она сравнивала его со стеклодувом, который умеет создавать удивительные цветные формы из горсти сухого грязного песка.

На плечо Скотта легло теплое сияние, он обернулся и увидел солнце, вырвавшееся из-за линии лондонского горизонта. Его лучи пронзили стеклянные стены галереи, и конференц-зал словно наполнился светом изнутри, а все пространство здания превратилось в сверкающую призму. Скотт попытался улыбнуться. Раньше здесь, в офисе, он всегда чувствовал себя счастливым, но мало-помалу стал замечать, что касается поверхностей уже не с удовольствием, а с грустью, будто прощается, будто этими легкими прикосновениями пальцев можно запустить процесс вспять, обратить свою мечту в ничто, стеклянный замок – в песок.

Щурясь от солнечного света, он посмотрел с галереи вниз. Эта галерея была одной из его любимых архитектурных придумок, в том числе потому, что отсюда вся приемная была как на ладони. С высоты ему нравилось наблюдать, как сотрудники идут на работу. Верити всегда появлялась первой; ее длинные волосы покачивались за спиной, как пелерина. Затем приходил старший из его партнеров, а за ним следовали самые молодые и энергичные члены коллектива. Дальше подтягивался его зам, а на протяжении минувших шести недель последней прибегала раскрасневшаяся и задыхающаяся Эмили, секретарша на ресепшен.

Поначалу Эмили привлекла его внимание, потому что в ее облике было что-то знакомое, и, хотя он не мог сформулировать, что именно, взял это себе на заметку. Девушка казалась

поразительно, завораживающе не такой, как все. Она постоянно опаздывала, на всех смотрела широко раскрытыми глазами и не имела ничего общего с высококвалифицированным временным персоналом, который здесь всегда нанимали. Эмили разглядывала коммутатор так, будто в жизни не видела ничего более сложного, приветствовала каждого, кто входил в приемную, словно это был почетный гость на вечеринке с сюрпризом, и забывала попросить представиться (Скотт видел, как однажды она отвела курьера в зал совета директоров). Она панически реагировала на любые просьбы и бросалась их исполнять, не думая о переполненном мейлами почтовом ящике компании и без умолку звонящих телефонах.

Каждый день Скотт наблюдал, как она вечно теряет что-нибудь на собственном столе, роняет наушники и сует документы не в те стопки; как обедает в одиночестве, то и дело нервно хватается за мобильный телефон и откладывает его с явным разочарованием; как смотрит на других сотрудников, в особенности на девушек – Эмили следила за ними жадным взглядом, пыталась подражать их модельной походке, копировала стильные прически и манеру одеваться, покупала подделки дорогих брендов, изо всех сил стараясь, чтобы ее наконец-то заметили. И пока он наблюдал, в его голове постепенно созрел замысел, вернее, пока лишь зарождалась смутная идея, казавшаяся не слишком жизнеспособной. Но дни шли, сообщения от Нины становились все более раздражительными, и замысел начинал обретать форму, так что в конце концов Скотт решил навести справки и кое-что проверить на практике.

Для начала он вбил имя секретарши в поисковик Гугла. Оказалось, Эмили – актриса, но успехов на своем поприще не достигла. Выросла в деревеньке в графстве Дерби. В социальных сетях не слишком активна – вывесила несколько фотографий с одними и теми же двумя-тремя подружками в дешевых забегаловках и на разных массовых праздниках. Снимки бойфренда и родственников отсутствовали.

Скотт сделал пару звонков нужным людям, копнул чуть глубже.

Он попросил Верити передать секретарше несколько поручений, отметил для себя те, что Эмили уже выполнила, и дал ей эти поручения повторно – просто хотел проверить, сделает ли она ту же работу во второй раз. Она сделала. Скотт попросил ее каждый день в определенное время выходить на улицу и фотографировать здание в конце квартала. Она подчинилась без вопросов. Он переслал ей по электронной почте пароль от компьютера одного молодого сотрудника, взявшего больничный, и попросил скачать его файлы из папки «Личное». Она повиновалась беспрекословно. Эмили так хотелось понравиться руководству, что она была готова без колебаний выполнять любые указания.

Дальше Скотт нашел в интернете анкету – психологический тест из тех, которые используют кадровики для оценки личностных качеств, – добавил в него несколько дурашливых вопросов от себя и анонимно отправил ей на рабочую почту. Догадываясь, что Эмили должно польстить особое внимание, он придумал некий «корпоративный бюллетень», в котором все члены коллектива рассказывают о себе, чтобы лучше узнать друг друга. Естественно, она на это купилась. И ее ответы были весьма информативными.

Однажды вечером Скотт даже проследил за ней после работы до самого дома – проехал на метро до Дептфорда, видел, как она сражается с входной дверью и поднимается в убогую квартирку над индийским ресторанчиком.

А потом произошло нечто удивительное. Скотт связался с бывшим коллегой, который задолжал ему дружескую услугу. Три дня спустя коллега сдержал слово и вернул ему долг – прислал толстый оранжевый конверт. От содержимого этого конверта у Скотта чуть инфаркт не случился. Он никогда не верил в судьбу, но, похоже, теперь у него в руках оказалось не что иное, как верное доказательство некой предопределенности событий. Провидение, случай, боги – он не знал, как это назвать, но что-то привело эту девушку сюда, в «Проуэм», к нему. Совпадением это просто не могло быть. Картинка складывалась воедино с пугающей безупречностью.

В тот же день смутный замысел оформился у него в детальный план. Он воспользовался еще кое-какими связями, предпринял некоторые приготовления, всё расставил по местам. А через неделю велел Дэвиду Махони уволить Эмили.

Разумеется, порой его одолевали сомнения. В такие минуты Скотт задавался вопросом, верное ли решение принял. Но потом он увидел, как Эмили в приемной играет в прятки с маленьким мальчиком, и последний пазл встал на место, картинка сложилась. Он сделал правильный выбор, Эмили – именно то, что ему нужно, теперь Скотт был в этом уверен.

Очень скоро он позвонит Иву – пусть все подготовит окончательно. Пока же оставалось сделать только одно.

В кармане завибрировал мобильный. И снова. И в третий раз. Наверное, опять Нина. К счастью, у него хватило здравого смысла разобраться с ее вчерашними сообщениями еще перед сном. Они поговорили по телефону в полночь; страдальческий шепот Нины мчался, преодолевая огромное расстояние между ними, летел, как тончайший луч света, выгибаясь дугой и снова распрямляясь, над морем и землей, доставая до звезд и спутников. Именно так Скотт образно представлял себе их связь – как неразрывную сияющую нить, что протянулась от его сердца к ее сердцу и крепко держит их вместе, неважно, насколько далеко они друг от друга. Так было раньше. Все изменилось.

– Ну пожалуйста! – в очередной раз умоляла она. – Ты понятия не имеешь, каково это. Мне так одиноко.

Он шептал в ответ какие-то ободряющие слова – то, что она хотела услышать.

– Если бы у меня было с кем поговорить, я... – Она замолчала. В трубке шелкнуло. – Когда ты приедешь? Когда?

На несколько волшебных мгновений он позволил себе вспомнить о том, как у них все было прежде. Каково это – смеяться вместе с ней, обнимать ее, касаться длинных волос. Он вспомнил день, когда они встретились, и воспоминание о счастье вырвалось из тайников сознания, как призрак из могилы. Он попробовал вызвать в памяти запах ее кожи, тепло ее тела, а когда давние ощущения вернулись, почувствовал, что снова может дышать. Но это чувство длилось, как всегда, недолго – уже через пару часов он снова стал нервным, раздражительным и злобным.

Внизу загудел лифт – это означало, что рабочий день начался. Дверцы открылись на его этаже, и по блестящим плитам пола бодро зацокала каблуками Верити.

Скотт похрустел суставами пальцев, поворачивал плечами и, достав из кармана телефон, собрался удалить последние сообщения Нины и забыть о ней по крайней мере на несколько часов. Но пропущенный вызов был вовсе не от жены.

Звонивший оставил голосовое сообщение. Скотт, нажав на кнопку прослушивания, поднес телефон к уху.

«Скотт, это Том. Том Стэнхоуп. – Голос звучал торопливо и доверительно. – Извини, что так рано. Я только хотел сказать, что пообщался с Дамиеном и дело продвинулось. Вернее, понеслось во все тяжкие, и это круто. Мы уезжаем в следующем месяце. Так что я решил позвонить и поблагодарить за то, что ты все устроил. Ты изменил мою жизнь, чувак. А насчет того, о чем мы говорили... – Том понизил голос. – Все решится сегодня, в десять. Надеюсь, ты будешь доволен. В любом случае звякни мне потом. И еще раз спасибо тебе».

Скотт удалил сообщение и положил телефон обратно в карман.

– Скотт! – донесся откуда-то голос Верити. – Вы наверху?

– Да, – отозвался он. – Уже спускаюсь.

Сделав глубокий вдох, он еще раз окинул взглядом с галереи пустую конторку в приемной и зашагал вниз по ступенькам, скользя ладонью по бронзовым перилам.

* * *

К девяти пятнадцати утра Скотт уже чувствовал себя вымотанным до предела. Деловой разговор за завтраком не клеился. Блуждая тяжелым взглядом по ресторану, он пытался сосредоточиться на словах собеседников, но тщетно. Зато Верити была в ударе, всю демонстрировала свой талант очаровывать инвесторов. Скотт никак не мог включиться – в голове было пусто. После ночного разговора с Ниной ему долго не удавалось заснуть – ворочался, вскакивал, ложился и провалился в сон лишь к трем утра, а два часа спустя уже опять проснулся безо всяких причин, заставил себя одеться и побрел в спортзал.

Под столом он невольно сжал кулаки и вздрогнул – все-таки проткнуть ладонь шариковой ручкой было не лучшей идеей. Потом он промыл и перевязал рану, но она все еще пульсировала болью. Когда Верити поинтересовалась, что у него с рукой, он сказал, что обжегся, когда доставал блюдо из духовки. Она, похоже, поверила.

Его толкнули локтем.

– Простите, что вы сказали? – спросил он, откашлявшись.

– Я сказал, поздравляю с недавним размещением акций, – улыбнулся инвестор, сидевший слева от Скотта, итальянец с неестественно выглядевшими, явно пересаженными волосами и гладким ботоксным лбом. – Весьма впечатляет. Признаюсь честно, кое у кого из нас были сомнения насчет этой компании, но вы, как всегда, оказались правы. – Он деликатно похлопал Скотта по плечу. – И вот что я теперь скажу вам, Скотт Денни: я готов инвестировать с вами и дальше. Что бы вы ни предложили – я в деле.

– Ценю ваше доверие.

– О, мое доверие вполне обоснованно. Знаете почему? Потому что вы, друг мой, абсолютно безжалостны. – Итальянец поднял чашечку макиато⁷, словно произносил тост в честь своего партнера. – Мне с самого начала говорили, что вы безжалостны, а теперь я убедился, что так и есть.

Скотт кивнул, принимая этот комплимент, как он надеялся, с достоинством. Да, он безжалостен. Но у него есть оправдание.

Сжав челюсти, он поудобнее устроился на стуле. Настроения праздновать очередной успех в бизнесе не было. И это еще мягко сказано. Он вдруг понял, что больше не может есть, пить, говорить, думать и терпеть чье бы то ни было общество.

Верити, сидевшая напротив, обратилась к нему с какими-то словами – он ее не услышал, но улыбнулся в ответ, а внутри уже бушевала буря.

– Еще один пикколо⁸ – К Скотту склонился незаметно подошедший метрдотель.

Скотт отказался, качнув головой. Он чувствовал себя уже совсем скверно. Перед глазами колыхалась багровая пелена ярости, бешеное желание облегчить душу прямо здесь, сейчас, в ресторане, извергнуть свои тайны на белоснежную скатерть было почти неодолимым.

Взглянув на часы, он положил салфетку на стол и отодвинул стул, вставая.

– Джентльмены, прошу прощения, но я должен вас покинуть – у меня еще одна встреча.

Краем глаза Скотт заметил, как помощница напряглась: мол, какая такая встреча?

– Оставляю вас в приятном обществе Верити. Благодарю за потраченное время, джентльмены, и надеюсь, что мы скоро увидимся снова.

Пожав руки обоим инвесторам, он развернулся и зашагал к выходу, а Верити тем временем лихорадочно листала расписание у себя в телефоне в поисках запланированной встречи, которой там не было.

⁷ Макиато – итальянский эспрессо со взбитым молоком.

⁸ Пикколо – австралийский кофе с молоком.

Глава пятая. Эмили

Она проснулась с ощущением тяжелого похмелья. Обсуждать со Спенсером их неизбежное скорое выселение из квартиры не было никакого желания, и Эмили, выскочив из дома спозаранку, поехала на ДЛМ⁹ в Сити. Сгорбившись у окна вагона, она прокручивала в голове вчерашний разговор с Джулиет, но вывод получался только один: ее угораздило всё испортить. В очередной раз. Она ужасный человек.

Глаза защипало от слез, и Эмили опустила голову, мысленно поблагодарив лондонцев за неписаное правило никогда не таращиться на других пассажиров. *«Когда все пошло наперекосяк? Почему жизнь сделалась такой невыносимой?»*

Она росла в Хоксли и всегда чувствовала себя не такой, как все, была уверена, что у нее нет ничего общего с унылыми ничтожествами, работающими в деревенской пекарне, в мясной лавке, в почтовом отделении. Она была красивее, отважней, лучше. Долгие годы Эмили удивлялась собственным приемным родителям, недоумевая, как они выносят эту скуку. Маленькая стоматологическая клиника Питера работала как часы тридцать с лишним лет, все шло по накатанной, одна и та же последовательность действий и событий повторялась месяц за месяцем для маленького коллектива на протяжении каждого одуряюще скучного восьмичасового трудового дня, а Джулиет, сколько Эмили ее помнила, работала три дня в неделю ландшафтным дизайнером в местном отделении Национального фонда¹⁰. По выходным они целыми днями пили кофе, ковырялись в саду, рисовали акварелью, и оба являли собой неотъемлемую часть местного пейзажа, как знаменитые низкие стены сухой каменной кладки, петляющие по Дербиширским холмам вместо изгородей. Никуда дальше Шеффилда родители оттуда не выбирались, только неизменно, раз в год, две недели отпуска проводили на Тенерифе. И одноклассники Эмили были такими же – без амбиций, без воображения. Подружки обсуждали имена для будущих детей и фасоны свадебных платьев; Эмили слушала их и качала головой, не представляя, как им удастся мириться с деревенской жизнью, а подружки точно так же качали головой, глядя на нее и не понимая, почему ей это не удастся.

Зато истинным удовольствием было смотреть на выражения их лиц, когда она поступила в школу драматического искусства. Теперь-то Эмили поняла, что чувствовала Золушка, когда появился принц и заставил уродливых сестриц пожалеть о том, что они вели себя как стервы. Однако с каждым годом, возвращаясь домой на Рождество, она выглядела все менее бодрой и уверенной в себе, подступало отчаяние, а чувство недоумения при виде родственников малопомалу уступало место смущению. Дедушка с бабушкой не понимали, почему ее еще не пригласили сниматься в сериале «Чисто английское убийство», тетя Кэт желала знать, отчего она до сих пор не закрутила роман с Джудом Лоу. Ведь наша Эмили живет в Лондоне, верно? Она же актриса, да? А почему тогда у нее нет денег?

На такие – вполне обоснованные – вопросы у Эмили не было правильных ответов. Почему она не завела дружбу со знаменитостями? Почему живет в халупе без центрального отопления? Почему ее одежда изношена? Каждый визит домой превращался в нечто похожее на те школьные логические задачки, которые были как будто нарочно придуманы для того, чтобы ученик почувствовал себя идиотом. Так что в конце концов она просто перестала приезжать к родственникам на Рождество.

⁹ ДЛМ (Доклендское легкое метро) – линия легкого метро, охватывающая несколько районов Лондона.

¹⁰ Национальный фонд (полное название – Национальный фонд охраны объектов исторического интереса и природной красоты) – некоммерческая организация, действующая на территории Англии, Уэльса и Северной Ирландии.

Эмили вытерла глаза. Возможно, переезд в Лондон изначально был плохой идеей. Наверно, ей надо было остаться в Хоксли. Фасоны свадебных платьев и акварель теперь уже не казались смертным приговором.

«Ну нет! – Эмили тряхнула головой, прогоняя неуместные мысли. – Ни в коем случае». Она правильно сделала, что переехала в столицу. Деревенская скука ее бы убила. Она ненавидела монотонные дни в Хоксли, не смогла бы видеть одни и те же лица годами напролет до конца жизни. Она всегда чувствовала себя не такой, как все, потому что на самом деле была особенной, и не только из-за того, что ее удочерили. Она – исключительная, и ее жизнь должна быть такой же исключительной, в этой жизни есть шипы, но будут и розы.

Эмили села, расправила плечи и вздернула подбородок. Все не так уж плохо. И скоро дела окончательно наладятся. У нее все будет отлично! Да! Сегодня она получит работу. Настал ее час, черт побери! Звезда вот-вот взойдет. Мечта осуществится!

* * *

Выскочив из вагона легкого метро на станции «Банк», Эмили перешла на Центральную линию, доехала до «Тоттенхем-Корт Роад» и, заказав в «Прет»¹¹ маленькую чашечку латте, дождалась часа, назначенного для встречи ее актерским агентом.

– Дорогая! – возопила Лара, едва Эмили переступила порог офиса, затем встала из-за стола и заключила клиентку в кратковременные, не слишком жаркие объятия. – Ты рано пришла. Который час?

– Десять, по-моему.

– О... Правда? Тогда ты вовремя, а я растяпа! Как у тебя дела, милая? Мне кажется, мы сто лет не виделись. Пару недель уж точно, да?

– Э-э... может быть, пять? Или шесть? Не помню. – Эмили солгала. Она доподлинно знала, сколько прошло с тех пор, как Лара в последний раз приглашала ее в свой офис: два месяца, одна неделя и два дня.

– Что ж, я в любом случае ужасно рада тебя видеть. Выглядишь потрясающе! – Лара повела ее в глубь опенспейса, лавируя между столами и скоплениями кадров с жирными суккулентами, к переговорной, отделенной перегородкой. Одна из стен переговорной была увешана черно-белыми фото актеров и актрис; нынешние успехи агентства занимали самые видные места (фото Эмили было запрятано вниз и полускрыто листьями монстеры).

– Заходи, дорогая. Присаживайся скорей, присаживайся. – Лара сама уселась на кожаный диванчик, закинула загорелую ногу на ногу и похлопала по сиденью рядом с собой. – Итак... – начала она, когда Эмили присоединилась к ней. – У меня есть хорошая новость и плохая новость.

– Что-то случилось? – спросила Эмили. Ей показалось, что Лара слегка волнуется.

– Да, я... э-э... Хорошая новость в том, что я – внимание, фанфары! – выхожу замуж! – Она торжественно выставила перед носом Эмили кисть и пошевелила пальцами, демонстрируя огромный сверкающий бриллиант в оправе, украшенной другими сверкающими бриллиантами, поменьше.

Эмили ненадолго ослепла от этого блеска.

– О... Ух ты. Поздравляю, – выдавила она, проморгавшись от радужных бликов.

– Спасибо, дорогая, да, это потрясающе. Том заставил меня ждать целую вечность, но в конце концов мы решились.

¹¹ «Прет» – сокращенное название сети дешевых, специализирующихся на сэндвичах закусочных «Прет-а-Манже» в Великобритании.

Эмили снисходительно кивнула – мол, что поделаешь, мужчины, они такие! Она уже все знала о волшебном Томе, и о его расчудесной семье, и о собаке, и о летнем домике на Амальфитанском побережье. Лара, безудержная экстравертка, делилась самыми странными и порой почти неприличными подробностями своей личной жизни с той же непринужденностью, с какой гостям предлагают прохладительные напитки. Эмили было досконально известно о диетических предпочтениях Тома (никакого глютена, никаких яиц и углеводов после двух часов дня), о его тайной страсти к знаменитости (Джейн Фонда, около 2014 года) и на какой стороне кровати он спит (на правой; Лара спит на левой, потому что так ближе к двери, а она обычно два-три раза за ночь ходит в туалет по причине слабого мочевого пузыря). Эмили тоже пыталась пооткровенничать, но Лара пресекала ее попытки с такой скоростью, что это было даже забавно. Эмили до сих пор гадала, как расценивать свои отношения с агентшей. Как дружбу? Четко очертить границы их делового общения не получалось – эти границы постоянно то сужались, то расширялись.

– Где будет свадьба? – из вежливости спросила девушка.

– Э-э... вообще-то в Нью-Йорке.

– Ого. Так далеко?

– Да. Том получил фантастическое предложение – реально фантастическое! Для него это огромный шаг в карьере. Так что мы вроде как переезжаем.

– Правда? Переезжаете в Нью-Йорк?

– Угу. – Лара отвела глаза. – В начале следующего месяца.

– Следующего месяца?..

– Ну да, понимаю, все слишком уж быстро. И конечно, это означает, что мне придется уволиться из агентства.

– О. Понятно.

– Извини, что говорю вот так, в последнюю минуту. Но для меня это тоже было сюрпризом. – Лара неубедительно изобразила сожаление. – Полнейшая неожиданность. Хотя, знаешь, ничего не происходит без причины – Том вкалывал с утра до ночи, он это заслужил. Надеюсь, мне удастся найти работу в нью-йоркском агентстве. После того как мы наладим семейную жизнь, разумеется.

Эмили кивнула – не знала, что сказать. Она размышляла, хорошо это или плохо для нее самой, что Лара уезжает. Конечно, теперь все изменится, но, возможно, новый агент будет чаще отвечать на ее звонки.

– Мне так жаль! – вздохнула Лара. – Ты сильно на меня разозлилась?

– Разозлилась? Совсем нет.

– Честное слово, мне ужасно трудно было решиться рассказать тебе обо всем прямо перед твоим сегодняшним кастингом, но я подумала, это станет хорошим стимулом для тебя, чтобы основательно взяться за свою карьеру. Ну, то есть поначалу, конечно, будет тяжело – все-таки тебе нужно найти новое агентство, и...

Эмили похолодела.

– Подожди. Что?

– ...и неизбежно придется пережить период затишья...

– Постой, – тряхнула головой Эмили. – Какое новое агентство? Ты разве не передашь меня кому-то из своих коллег здесь?

– О... – Лара прижала ладонь ко рту. – О, дорогая, я думала, ты уже поняла...

– Что поняла?

Лара уставилась на собственные коленки:

– Я... Слушай, мне нелегко это говорить. Я очень сожалею, но агентство отказалось взять список моих клиентов.

У Эмили отвисла челюсть.

– Все агенты сейчас загружены под завязку. – Лара замолчала, придвинулась поближе и осторожно взяла девушку за руку – так, будто та была при смерти. – Дорогая, боюсь, ты осталась без представителя. Теперь ты сама по себе. Мне действительно жаль. Очень-очень жаль.

Глава шестая. Скотт

Стоя у дверей кафе в Сохо, Скотт пристально рассматривал окна серого здания на противоположной стороне улицы. Затем покосился на часы – было 10.17 утра.

В руке завибрировал телефон, и, не отрывая взгляда от здания, он ответил на вызов:

– Скотт Денни.

– Скотт! – взревел динамик. – Другище! Это Том. Ты получил мое сообщение?

– Получил.

У входа в серое здание было пусто. Уже двенадцать минут никто не входил и не выходил.

– Не стоит благодарности, – продолжил Скотт. – Я ничего особенного не сделал. Вернее, ничего такого, что со временем ты не сделал бы сам.

Том рассмеялся:

– Ты шутишь? Я годами пытался получить эту работу, а ты приподнес мне ее на блюдечке. Я должен тебе сотню дринов, дружище.

– Ты ничего мне не должен, мы уже в расчете. – Скотт переступил с ноги на ногу. Дверь здания оставалась закрытой, за окнами никого не было видно. – Я тоже хочу тебя поблагодарить. Спасибо, что ответил услугой на услугу. Тем более что моя просьба была несколько необычной.

– Да ладно, это меньшее, что мы могли для тебя сделать.

– Я ценю твою помощь.

За одним из окон мелькнула тень.

Найти агентшу не составило труда. Не менее легко оказалось добыть личную информацию о ней. В наши дни можно получить массу сведений онлайн.

– Лара считает, что Эмма долго не протянет без работы. Денег она не накопила, а тут ведь все дело в деньгах, насколько я понимаю, верно? – Том хмыкнул.

Скотт вздохнул. Он едва знал Тома Стэнхоупа – встречались однажды по работе много лет назад, – но оказалось на редкость легко убедить его в обратном. Несколько имен общих знакомых, упомянутых в беседе, пара ужинов с хорошей выпивкой – и Том уже поверил, что они лучшие друзья. Между делом Скотт предложил похлопотать о работе его мечты, и Том в ответ был готов на все ради «кореша» – в том числе убедить свою невесту отделаться от одной из наименее успешных клиенток ее актерского агентства, чтобы инвестиционный фонд Скотта мог безраздельно завладеть самой многообещающей из своих сотрудниц.

– Она, кстати, здорово удивилась.

– Кто?

– Лара. Сказала, что никогда не подозревала, что у Эммы талант к инвестициям.

Какое-то движение на противоположной стороне улицы мгновенно привлекло внимание Скотта. Дверь серого здания открылась, и оттуда торопливо метнулась на улицу поникшая фигурка.

– Эмили... – пробормотал он, не сводя глаз с этой фигурки.

– Что, прости?

– Ее зовут не Эмма, а Эмили. – Дав отбой, Скотт поспешно зашагал за ней следом.

Глава седьмая. Эмили

В тихом переулке Эмили дала волю слезам. *«Вышвырнули. Как собаку»*. Это было худшее, что может случиться с актером. Она прекрасно знала, что будет дальше, поскольку в прошлом году та же беда постигла ее старого приятеля из школы драматического искусства, скромного валлийца, после чего он немедленно исчез со всех лондонских сцен раз и навсегда. Он как будто умер. О нем даже говорить перестали, словно одного упоминания его имени было достаточно для того, чтобы навлечь проклятие забвения на весь Вест-Энд¹².

«Так, ну-ка соберись!» – велела она себе и промокнула глаза рукавом кардигана, стараясь не размазать макияж. Сегодня у нее еще один кастинг, так что хоронить надежду пока рано.

Она взглянула на экран телефона – осталось пятна-дцать минут на то, чтобы взять себя в руки и подготовиться к лучшему выступлению в своей жизни. «У тебя все получится». Эмили достала из сумки распечатанные страницы роли, которые ей прислали по электронной почте. «Дыши ровно, проговаривай про себя строчку за строчкой, и все будет отлично».

Но строчки плясали перед глазами, словно потешаясь над ней. На кастинге должны были выбрать актрису для рекламы жевательной резинки. «Парень собирается поцеловать девушку, – говорилось в синопсисе, – но тут выпрыгивает еда, которую она съела за обедом, и угрожает все испортить. Завязывается драка. Жевательная резинка побеждает».

«Что ж, значит, не Шекспир. – Эмили расправила плечи. – Ну и ладно, – подумала она. – Я все равно получу эту роль».

Но тут последние искры оптимизма потухли, она чуть не задохнулась от обиды и унижения – оказалось, в распечатке даже нет роли девушки. Ее пригласили попробоваться на роль репчатого лука. Воинственного, свирепого лука-каратиста.

Отстойная шутка. Дурацкое издевательство. Эмили сжала в кулаке странички сценария. А почему она вечно позволяет над собой издеваться? Есть у нее агент или нет, так больше жить нельзя. Вспомнился кастинг на прошлой неделе – в тесной душной комнатухе ее попросили изобразить бег с препятствиями, но так, чтобы «в этом присутствовала кошачья сексуальность». Память подсказала другой странный случай – ее заставили читать монолог стоя на стуле, а режиссер в это время швырял в нее газетами. И еще однажды ей пришлось петь «С днем рождения, мистер президент», обращаясь к бочонку с маслом.

Теперь уже слезы хлынули безудержно. Эмили глотала их, твердя: «Я себя ненавижу!» – и эти слова как будто отдавались эхом в каждой клетке никудышного тела. До сих пор ее удерживало на плаву лишь одно – идиотская мечта сделать карьеру актрисы, и вот эта мечта разбилась вдребезги у нее перед носом. Что теперь делать? Куда идти? Как найти другого агента? Ей просто нечего предъявить, нечем похвастаться – нет у нее никакого актерского портфолио, она не участвовала в шоукейсах¹³, и даже ролью лука в дерьмовой рекламе похвастаться не может, черт побери! Теперь уже никто и никогда не возьмется ее представлять. Ей придется покинуть Лондон. Придется...

– Эй!

Оклик, прозвучавший где-то поблизости, прервал круговорот мыслей.

Эмили вздрогнула, вытерла нос рукавом кардигана, втянула голову в плечи и, развернувшись, зашагала в другом направлении.

– Эй! – снова позвали за спиной.

¹² Вест-Энд – район в Лондоне, центр театральной и музыкальной жизни; там находятся театры «Ковент-Гарден», «Друри-Лейн», «Олдвич» и др.

¹³ Шоукейс – спектакль, который играют для того, чтобы актеры могли показаться на сцене режиссерам и директорам коммерческих театров.

Она не остановилась – наверное, какой-нибудь попрошайка требует мелочь.

Слова Лары не шли у нее из головы. «Ты осталась без представителя». И лицо у агентши было такое скорбное-прескорбное. «Теперь ты сама по себе. Мне очень-очень жаль». У Эмили от стыда даже живот скрутило.

– Эй, подождите!

Обходя целую группу школьников, выскочивших на тротуар, она украдкой бросила взгляд назад: мужчина в темно-синем костюме позади ускорил шаг – пытался ее догнать. И это явно был не попрошайка. «О боже, а вдруг этот тип – представитель какой-нибудь благотворительной организации?» Эмили заторопилась дальше. Только этого ей не хватало – болтать посреди улицы с незнакомцем о долге перед полярными медведями, когда ее собственная жизнь катится в тартарары!

Вытерев подтеки туши под глазами, она собралась перейти на другую сторону дороги, но споткнулась о бордюр и выронила сценарий. Странички спланировали в сточную канаву, а Эмили вдруг охватил ужас оттого, что они могут совсем улететь и тогда она лишится своего последнего шанса. Вскрикнув, она кинулась их подбирать и оказалась на пути велосипедиста – тот вильнул в последний момент, едва избежав столкновения, пронесся совсем близко. Эмили, задыхаясь, хватала бумажки – теперь она уже умирала от страха, что не успеет подготовиться к кастингу и не сможет никому показать, на что способна... Но и правда было уже поздно – белые листы разлетелись по асфальту и исчезли под колесами машин.

Эмили выпрямилась, ничего не видя вокруг за пеленой слез. Позади снова прозвучал мужской голос:

– Эй, Эмили!

«Черт, – подумала она, – только бы не маньяк». А потом включился мозг, распознал этот голос, и девушка, уже готовая к бегству, застыла на месте.

– Эмили! – опять крикнул мужчина, еще громче.

Она, обернувшись, увидела знакомое лицо и пролепетала:

– Мистер Денни?..

Тут раздался совсем другой крик, за ним последовал визг тормозов, и Эмили боковым зрением поймала огромное красное пятно. Вокруг заорали и забибикали так, что она заткнула уши руками, но шум все равно оглушал, а красная громадина всё надвигалась, и визг тормозов набирал силу, и дыхание участилось, и...

Паника сбила Эмили с ног раньше, чем это успел сделать красный автобус. Сначала ей показалось, будто гигантская приливная волна страха хлынула прямо в легкие, так, что невозможно стало дышать. Потом в голове зашумело, будто захлопали тысячи крыльев, и какая-то незримая масса навалилась на ребра – Эмили даже выставила руки вперед, чтобы убраться от своей груди нечто, пока не осязаемое.

«Ну круто, – мелькнула смутная мысль в тот момент, когда она падала на асфальт, точно подрубленное дерево. – Этого еще не хватало».

Здания вокруг зашатались, небо почернело, и мир перевернулся вверх дном.

Автобус остановился в нескольких дюймах от ее лица, и тогда словно из ниоткуда, из страшного хаоса явился мистер Денни, бывший босс Эмили, как живой щит, как супергерой, как рыцарь в сверкающих доспехах. Он выставил ладонь прямо перед лобовым стеклом, останавливая водителя автобуса, наорал на сбежавшихся зевак, чтобы расступились, и Эмили захотелось рассмеяться, потому что это была галлюцинация. Конечно же, ничего из этого не могло быть реальным – ни ласковое прикосновение чужой руки, ни пиджак, подложенный ей под голову, ни размытый силуэт с нимбом волос и выставленной в сторону красного пятна ладонью, ни голос, произносивший слова: «Не бойся, Эмили. Я тебе помогу».

Разумеется, это был всего лишь прекрасный сон.

Глава восьмая. Скотт

Помогая девушке подняться на ноги и дойти до ближайшего паба, Скотт ликовал. Его план был несовершенен, вмешались непредвиденные обстоятельства, но вмешались они таким образом, что в итоге у Эмили не осталось ни единой причины для сомнений. Автобус в мгновение ока сделал дело за него.

Судьба. Все так и должно было случиться.

Он раздобыл целый ворох салфеток, заказал у бармена стакан сока и продолжил осваиваться в новой роли спасителя. Присмотревшись к Эмили вблизи, он заметил, что девушка – хорошенькая, из тех, кого называют кровь с молоком. Светлые волосы, карие глаза, веснушчатый носик – ничего особенно примечательного в ней не было, но в целом картинка получилась приятная. В данный момент, однако, картинку немного портили красные пятна на щеках, заплаканные глаза и мокрый нос.

Скотт деликатно дождался, когда девушка высморкается. Дрожа и всхлипывая, она неразборчиво бормотала о каком-то кастинге, о том, что опоздала и теперь все пропало, и еще об ужасных вещах, которые наговорила ей Лара. Скотт сочувственно кивал, мысленно воздавая благодарность своей счастливой звезде за то, что его расчет оправдался. За десять минут, слушая ее сбивчивые жалобы, он окончательно убедился, что Эмили – именно та, кого он искал.

– Прошу прощения, – сказал он, как только появилась возможность вставить словечко, – я не хотел вас напугать. Просто увидел, как вы идете по улице, и решил – предложу подвезти до офиса. Вы казались очень расстроенной.

Эмили взглянула на него с ожидаемой растерянностью:

– До офиса?

– Ну да. – Он рассмеялся. – Знаете, есть такая компания «Проуэм»? Вы там работаете, а мы вам за это платим деньги.

– Но... – Эмили помотала головой. – Я на вас больше не работаю. Меня уволили.

Скотт изобразил предельное недоумение:

– Уволили? Как это?

Тут Эмили поведала ему длинную и замысловатую версию того, как Дэвид Махони сообщил ей эту новость, дав понять, что она «в пролете», потому что «не годится для «Проуэма».

Скотт сделал вид, что надлежащим образом шокирован:

– Думаю, здесь какая-то ошибка...

Он очень тщательно выбрал момент. Сначала дождался, пока у Эмили выровняется дыхание, спросил, не отвезти ли ее в больницу, и, когда она отказалась, предложил проводить на такси до дома. Затем осторожно положил руку ей на плечо, сказал, что у нее все будет хорошо, что у всех событий есть причина. И добавил, что, возможно, им суждено было встретиться. Эти последние слова были единственными, в которые он сам искренне верил. А потом Скотт вложил ей в ладонь свою визитную карточку. Снова извинившись за служебное недоразумение, он попросил, чтобы Эмили дала «Проуэму» еще один шанс. Если она сумеет простить и забыть доставленные неприятности, он с удовольствием предложит ей другую работу. Должность уже ждет ее.

Тут Эмили аж подпрыгнула – разумеется, именно этого Скотт и ожидал.

– Правда? – воскликнула она, просияв. – Спасибо! Я согласна.

Он рассмеялся:

– Вы же еще не знаете, что это за работа. – И добавил, что хотел бы поговорить с ней более обстоятельно в офисе, если она не возражает. – Может, зайдете в понедельник, и я все объясню подробно?

Скотт ждал, что она скажет, но то, как Эмили смотрела на него в этот момент, как она держала его визитную карточку – словно драгоценность, – уже было тем самым ответом, которого он хотел.

Глава девятая. Эмили

Унылая съемная квартирка теперь, после роскошного интерьера паба в Сохо, казалась совсем убогой, а при воспоминании о белоснежной рубашке Скотта повсюду особенно была заметна грязь. Эмили никак не могла успокоиться – сердце по-прежнему бешено колотилось, но вряд ли тому виной был только автобус, под колеса которого она чуть не попала. Да, она испытала шок. Да, пропустила в итоге важнейший кастинг, не спела свою лебединую песню. Но главной причиной головокружения, нехватки воздуха и учащенного пульса скорее всего был Скотт Денни.

Не удостоив вниманием полнейший бардак на кухне (видимо, Спенсер достиг точки кипения в своем протесте против повышения квартплаты и грядущего выселения), Эмили прошла прямо в свою комнату, села на кровать и глубоко задумалась, можно ли назвать случившееся с ней божественным промыслом. Она снова вспомнила о той минуте, когда появился Скотт – его пиджак раздувался от ветра, словно полы плаща, – и у нее по рукам побежали мурашки. Эмили никогда не забивала себе голову всякой ерундой на тему рыцарей, спешащих на помощь обездоленным принцессам, но когда Скотт ловко подхватил ее и поставил на ноги, будто в танце, она почувствовала, что у нее в груди что-то взорвалось.

В тот момент его лицо выражало лишь вежливое сочувствие – добрый незнакомец совершил хороший поступок, не более того. Но потом он помог ей подняться, отряхнул грязь с ее одежды, и они долго сидели в пабе – казалось, целую вечность, – и Скотт так внимательно слушал, будто ловил слова, звучавшие в ее душе. Он определенно понимал, что значит «судьба». Он тоже это почувствовал.

А затем, словно спасти ее от верной смерти было недостаточно, Скотт Денни предложил ей загадочную новую работу. Без конкурса и без испытательного срока. Просто сказал, что должность ее уже ждет. «Позвоните мне, – попросил он, достав из бумажника визитную карточку. – Договоримся о встрече. В понедельник вам удобно?»

Теперь Эмили гадала, что от нее потребуется, и надеялась, что больше не придется отвечать на звонки в приемной. Может, Скотт сам научит ее... Чему? Чем они вообще в «Проуэме» занимаются? Акциями-облигациями? Наверное, чем-то вроде того. Да какая разница, если это означает, что у нее будут работа и зарплата, а значит, не понадобится опять кланчить деньги у родителей! Эмили велела себе не забыть позвонить Джулиет утром.

Она свернулась в клубок на кровати и поморщилась при воспоминании о стремительно надвигающемся автобусе. Ничего подобного она давно не испытывала – это был слепой страх, чистый, незамутненный, и чувство дежавю... а потом нахлынуло ощущение невесомости, до боли знакомое, привычное. Эмили думала, что все это осталось далеко в прошлом.

Чтобы отделаться от ненужных эмоций, она мысленно представила лицо Скотта – «Мой герой!» – и улыбнулась. Его визитная карточка так и осталась у нее в руке. Неужели все произошло на самом деле? Он действительно реален? Или у нее просто разыгралось воображение?

Достав телефон, Эмили набила эсэмэску: «Спасибо, спасибо, спасибо». Через несколько секунд Скотт ответил – таким образом его существование подтвердилось.

* * *

Уик-энд тянулся долго и мучительно. «Если смотреть на воду в чайнике, стоящем на огне, она никогда не закипит», – напоминала себе Эмили, но ожидание было невыносимым, и ее мысли постоянно устремлялись к понедельнику, как дети бегут смотреть мультики. При этом мало-помалу начали возникать опасения. Судьбоносное явление Скотта и последовавшее

затем деловое предложение на время заглушили в ее душе боль от того, что Лара вышвырнула ее вон. Но что, если Скотт передумает? Или *забудет*? Она придет в «Проуэм», и окажется, что ее не внесли в список посетителей. Что ей тогда делать?

В итоге, когда утро понедельника наконец наступило, у Эмили возникло искушение спрятаться под одеялом и вообще не вылезать из постели. Однако, сделав себе суровый выговор, она все-таки встала, а потом дотащилась до метро. Нечаянно приехала задолго до назначенного времени и нервно топталась на углу улицы, затем не выдержала и поднялась в лифте на пятый этаж. Когда Эмили шла от лифта к конторке в приемной, сердце колотилось так гулко, что ей казалось, сейчас кто-нибудь потребует сделать звук потише.

Женщина, занявшая ее место за конторкой, была гораздо старше и явно умнее. Эмили зачарованно наблюдала, с какой скоростью и ловкостью она отвечает на телефонный звонок, посылает факс и кладет договор в нужную папку – всё это одновременно.

– Добрый день, – сказала новая (старая) секретарша. – У вас назначена встреча?

– Э-э... да. Да, назначена. Я Эмили. Эмили Праудман. Пришла к мистеру Денни. – Она промямлила это, как школьница в кабинете директора, затем добавила: – К Скотту, – и почувствовала себя лучше.

Секретарша зацокала клавишами. Последовала нервная пауза.

– Да-да, – кивнула она наконец. – Вам назначено на одиннадцать тридцать?

– Совершенно верно. – Эмили взглянула на настенные часы. – Извините, я пришла немного раньше. – Было удивительно, что она произносит эти слова – до сих пор ей крайне редко удавалось прийти раньше времени куда бы то ни было, и уж точно не на работу в «Проуэме». «Кажется, я начинаю меняться к лучшему», – радостно подумала девушка.

– Присаживайтесь.

Она опустила на тот самый обтянутый бархатом диванчик, где ее недавно поджидал Дэвид Махони. Закинула ногу на ногу, затем поставила их ровно, сжав колени, поправила прическу, одернула юбку, забеспокоившись, что та слишком коротка, и наконец мысленно приказала себе: «Спокойствие. Будь крутой».

Она взяла верхний журнал из стопки на кофейном столике и чуть не сползла на пол – с обложки на нее смотрел темными глазами Скотт Денни. «Основатель «Проуэм Партнерс» Скотт Денни рассказывает, с какими трудностями пришлось столкнуться при создании инновационного офиса в центре старого Лондона», – говорилось в анонсе. Эмили быстро перелистала журнал в поисках самой статьи. Целый разворот в ней занимала фотография вестибюля с огромной светодиодной люстрой.

«Проуэм» – преуспевающая инвестиционная компания, нацеленная на поддержку как стартапов, так и уже зарекомендовавших себя предприятий в различных отраслях промышленности. Руководство скромно называет свое детище «бутиком», однако годовой оборот и ставка доходности «Проуэма» позволяют говорить о том, что это весьма ироничное преуменьшение его значимости. Располагается компания в Мейфэре, в отреставрированном эдвардианском здании, включенном во 2-ю категорию Уставного перечня объектов, представляющих особый архитектурный или исторический интерес.

Дальше был еще один снимок Скотта – он непринужденно устроился на спинке обтянутого черной кожей диванчика, поставив ноги на сиденье и упираясь локтями в колени. Фотографу удалось поймать его полуулыбку. Эмили не смогла бы сказать, что в этом снимке такого особенного, но он произвел на нее ошеломительное впечатление. Скотт Денни безусловно был привлекательным мужчиной, однако странное чувство, будто в глубине грудной клетки у нее что-то закипает и вот-вот забурлит-загрохочет, взорвется облаком пара, нельзя было назвать элементарным сексуальным влечением. Это было нечто *большее*.

Богатое разнообразие рабочих зон включает в себя три-дцать пять стационарных мест на открытых площадках, десять кабинетов, семь переговорных и зал заседаний на двадцать участников, оснащенный новейшим аудиовизуальным оборудованием для конференц-связи, а также для интерактивных презентаций. По собственному признанию, Скотт Денни во главу угла ставит комфортные условия для сотрудников, а потому офисный ландшафт естественным образом включает в себя роскошные помещения для отдыха и террасу на крыше.

Трое аналитиков компании – два парня и девушка – вышли из переговорной, пересекли приемную и остановились у конторки забрать папки с документами. Эмили улыбнулась и подняла было руку в знак приветствия.

– Анн-Мари опять заболела, – лениво бросил один из парней со скучающим видом.

– Ну да, как же, заболела она! – фыркнула девушка, тряхнув светлыми кудряшками. – Вечно ищет повод пристроить свою жирную задницу дома на диване и весь день обжираться чипсами.

– А я вроде слышал, у нее нервный срыв.

– Депрессия у нее.

– С какого переполоха?

– Да ладно! Ты не видел, какие ей сиськи накачали?

– Если бы какой-нибудь пластический хирург заставил меня выглядеть подобным образом, я бы его засудила насмерть, – сказала девушка, и вся троица, забрав документы, направилась к копировальной комнате.

Эмили уронила руку на колено, задумавшись, знают ли уже остальные сотрудники о ее увольнении. Слухи в офисе распространяются мгновенно, но, возможно, ее судьба просто никого не интересует? Она снова склонилась над журналом, решив, что, наверное, лучше вообще не привлекать к себе внимания.

Скотт Денни, приступая к разработке проекта реконструкции, сразу отказался от традиционных офисных интерьеров, поскольку хотел создать «теплую и гостеприимную обстановку». Индустриальный стиль, вдохновленный лофтами Нью-Йорка, смягчается здесь теплой «домашней» атмосферой; приглушенная цветовая гамма в бежево-коричневых тонах придает идеально организованному деловому пространству уют и глубину, действуя умиротворяюще, а многочисленные предметы искусства и высокие потолки внушают благоговение.

«Благоговение. Точно». Думая о Скотте, Эмили испытывала именно благоговение.

Снова зазвучал ленивый голос, и она вскинула голову. Дверь копировальной комнаты осталась приоткрытой.

– Какие новости о летнем корпоративе?

– Я слышала, мы под это дело арендуем ресторан.

– О-о, да ладно? Отстой!

– Можно было бы повторить вечеринку на суперяхте. Это было охренительно.

– Я реально не помню, что там творилось. Сначала был абсент, а потом – провал в памяти. Последовал дружный хохот.

– Так, значит, Скотт и в этом году не отдаст под корпоратив свое французское поместье?

Эмили наострила уши и подвинулась на другой конец диванчика, поближе к двери копировальной комнаты.

– Чувак, даже не надейся, – прозвучал оттуда недовольный женский голос. – Никогда он никого на моей памяти в поместье не приглашал, а я тут сто лет работаю. Похоже, все его прекрасные порывы сдерживает его долбанутая половина.

Эмили похолодела: «Половина?! – и отложила журнал. – Какая половина?»

– Я слышал, она жуткая стерва, – понизил голос один из парней.

– А кем ей еще быть?

– Горячая штучка небось.

– Да вряд ли, если Скотт с ней так редко видится.

– Ну не знаю, по мне, так похоже на идеальный брак.

У Эмили упало сердце. «Он женат, – подумала она. А потом разозлилась на себя: – Ну разумеется, женат. А ты чего ожидала?» И подвинулась еще ближе.

– Говорю тебе, она стерва.

– Да отвяжитесь вы от нее. Знаете же, что у них случилось.

– Ну да, только это давно было. А как известно, надо быть сильнее своего самого сильного оправдания.

– Вот сейчас вообще не в кассу.

– Он ее *ненавидит*. Это же очевидно.

В приемной вдруг раздалось громкое цоканье каблучков.

– Тс-с-с! – прошипели в копировальной комнате. – Ким Кардашьян на дозорной башне!

Эмили поспешно вернулась на прежнее место и прикрылась журналом. Трое аналитиков тем временем перешли на шепот, потому что в поле зрения действительно появилась личная помощница Скотта, Верити, и прошествовала к конторке секретарши, как королева супермоделей – волосы развевались, брови изгибались дугой, длинные шпильки звонко дробили плиты пола.

– Это нужно отправить с курьером в течение пяти минут, – сказала она преемнице Эмили, бросив на конторку толстую черную папку. – И пожалуйста, объясните вон тем бездельникам, что для того, чтобы отксерокопировать один контракт, не нужны три человека.

Эмили, выглянув поверх журнала, понаблюдала за тем, как аналитики один за другим робко выскальзывают из копировальной комнаты и удаляются.

– О, мисс Праудман? – Верити обратила на нее взор из-за плеча – такой пронзительный, что Эмили вздрогнула. – Скотт готов вас принять.

Глава десятая. Скотт

Скотт лежал на полу своего кабинета, прижавшись щекой к бетонному полу. Недавно он наклонился под стол за упавшим листом бумаги и заметил двух дохлых тараканов. Они валялись на спине бок о бок у плинтуса. Лапы торчали вверх и подергивались, потому что в скорлупках панцирей уже пировали муравьи. «Почему их два? – подумал Скотт. – И почему они лежат так близко друг к другу? Может, тут разыгралась дуэль? Или влюбленные совершили двойное самоубийство? Наверно, это Ромео и Джульетта из мира насекомых».

Он понаблюдал за муравьями некоторое время, потом опустился на четвереньки, чтобы посмотреть поближе. Его поразила сложнейшая организация этой кишачей массы и одновременно простота задач всех ее составляющих: есть, двигаться, двигаться, есть. Каждый муравей тут был частью гигантского суперорганизма, нацеленного исключительно на потребление и выживание. Это производило гипнотическое воздействие. И пол под ладонями был приятным на ощупь – прохладным и твердым. Солидным. Поэтому Скотт лег на пол.

Последние дни выдались трудными. Перед этим в отношениях с женой настала короткая фаза относительного спокойствия, за время которой он так расслабился, что даже забронировал билеты на самолет туда-обратно на ближайший уик-энд, а потом вдруг его кредитка взбесилась – посыпались списания одно за другим. Сначала три подряд, затем еще пять, и еще три – общий итог составил 97 556 фунтов стерлингов. Он пытался дозвониться до Нины, но звонки и мейлы оставались без ответа. Единственным признаком жизни, поданным ею, стало еще одно списание гигантской суммы, извещение о котором пришло сегодня утром, как финальный фейерверк в пиротехническом шоу. Скотт ничего не мог поделать – только следить за развитием действия. Единственным плюсом было то, что он не присутствовал при этом лично. Бронь на билеты пришлось отменить.

На полу муравьи деловито ползали по мертвым тараканам. Небольшой группе трудяг удалось оторвать одну лапу, и они торжествующе потащили ее прочь, как трофей. Какой-то муравьишка заблудился и выпал из бурной деятельности – Скотт заметил это и подтолкнул его пальцем на верный путь. «Не туда, приятель, – шепнул он муравьишке. – Вся жратва – там. Давай, топай. Bon appétit»¹⁴.

– Простите, это вы мне? – прозвучал женский голос.

Скотт вскочил. На пороге кабинета стояла какая-то девушка. Нет, стоп. Не какая-то. *Та самая* девушка. Эмили.

– Привет, – продолжила она. – Извините, что побеспокоила, вы были заняты...

– Нет, вовсе нет. Я не... – Скотт отряхнул штанины. – Все в порядке. Спасибо, что откликнулись на приглашение.

Что это, черт побери, на него нашло? Как можно было потерять счет времени? И сколько его сотрудников видели, как он тут ползает по полу? Скотт бросил взгляд на стены кабинета. Смарт-стекло было прозрачным, но, по счастью, коридор за ним оказался пустым.

– Итак... – начал он, подходя к стене. Переключил рычажок на панели, и электрохромный слой сделал все стекло матовым. – Как вы себя чувствуете после того, что случилось на прошлой неделе? Ушибов и переломов не обнаружилось, я надеюсь?

– О нет. – Эмили покраснела. – То есть мне, конечно, до сих пор не по себе, но вообще я в порядке.

– Так что же тогда все-таки стряслось?

– Простите?..

¹⁴ Приятного аппетита (*фр.*).

– Ну, ведь автобус до вас не добрался. Водитель затормозил вовремя, вас даже бампер не коснулся, но вы все равно упали как подкошенная.

– О... да. – Эмили покраснела еще сильнее. – Упала. В обморок. Со мной такого уже давно не бывало, но в детстве часто случались панические атаки – знаете, когда в глазах темнеет и начинаешь задыхаться. Странно, конечно. Я думала, избавилась от этой проблемы навсегда, но, видимо, стресс и все такое... – Она замолчала, пожав плечами.

Скотт сел за стол и указал девушке на стоявшее напротив кресло. Он обратил внимание, что для деловой встречи она одета несколько необычно: пестрая водолазка без рукавов, заправленная в ярко-зеленую юбку с высокой талией, толстые черные колготки и золотистые туфли с закругленными мысками на высоких каблуках. При этом от двери до кресла она прошла так, будто встала на каблуки впервые в жизни.

Они обменялись улыбками, и снова у Скотта возникло смутное чувство, что они давно знакомы или встречались где-то раньше.

– Кофе? Чай? – спросил он, протянув руку к рабочему телефону на столе.

– О нет, спасибо.

– Весьма благоразумно. Мне бы тоже следовало воздержаться, но, боюсь, до вечера не будет другой возможности перекусить. – Он нажал на кнопку. – Верити, можно попросить лонг-блэк?¹⁵ И будь любезна, принеси мне заодно то печенье. Шоколадное. Спасибо. – Скотт повесил трубку. – С печеньем получится совсем по-домашнему, – улыбнулся он.

Эмили по другую сторону стола глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь. Было очень заметно, что она нервничает, и Скотт мог ее понять – его собственное сердце загромождено, ладони взмокли, а рубашка прилипла к потной спине.

– Что ж, давайте перейдем к делу. – Он положил руки на стол и сплел пальцы, чтобы они не тряслись. – Касательно вашего увольнения, я хотел бы еще раз заверить вас, что приказ, так сказать, исходил не от меня. Лично мне было очень приятно с вами работать. Вы отлично потрудились на нашу компанию и заслужили всеобщее уважение.

По выражению лица Эмили было ясно, что она не поверила, и с ее стороны это было вполне разумно. Большинство сотрудников ее в лучшем случае игнорировали, а в худшем – потешались над ней, причем именно из-за тех качеств, которые привлекли к ней внимание Скотта: наивность, чудаковатость, рассеянность.

Он продолжил:

– Вам не часто приходилось иметь дело со мной, пока вы здесь работали, но я за вами наблюдал и, должен сказать, был весьма впечатлен. Я считаю, что расставание с вами – большая потеря.

На мгновение его уверенность поколебалась – еще не поздно было все отыграть назад. Но в следующую секунду Скотт подумал об оранжевом конверте, о распечатанных страницах внутри, и снова почувствовал, что ситуация не подлежит контролю: какая-то непостижимая сила сама привела Эмили к нему, шестеренки сложного механизма уже пришли в движение, и он не сможет их остановить, даже если рискнет это сделать.

– Я хочу, чтобы вы и дальше работали на меня, – сказал Скотт, расправив плечи и выпрямив спину. – Разумеется, если вы не против. Но, прежде чем мы обсудим ваши новые обязанности, я бы хотел, чтобы вы немного рассказали о себе, учитывая, что я не присутствовал на собеседовании, когда вас принимали в «Проуэм», и формально нас друг другу не представили, когда вы начинали здесь работать.

– О... конечно, – кивнула Эмили. – Хотя мне и рассказать-то особенно нечего...

В дверь тихо постучали – вошла Верити с маленьким черным подносом в руках.

¹⁵ Лонг-блэк – популярный в Австралии кофейный напиток, двойная порция эспresso, добавленная в горячую воду.

– Встреча с Ломакс через полчаса, – напомнила она, ставя перед Скоттом чашку с кофе и вазочку с печеньем. Затем, покосившись на Эмили, вышла так же стремительно, как вошла, оставив за собой шлейф аромата духов, как промчавшаяся машина оставляет за собой облако выхлопных газов.

Скотт отпил из чашки – кофе оказался обжигающе горячим. Тогда он сделал один за другим несколько больших глотков, наслаждаясь жжением во рту и в горле. Потом положил печенье на салфетку и подтолкнул по столу к Эмили.

– Расскажите, чем вы занимаетесь, когда не работаете в офисе.

Девушка оказалась настоящей болтушкой. Скотт пришел к выводу, что она милая, слегка чудаковатая и забавная – в том смысле, что не лишена остроумия, но при этом может рассмеяться и неосознанно. Она щебетала как птичка, быстро и звонко. Ее мысли разлетались стайками, неслись в разные стороны, как бумажные самолетики; она сыпала анекдотами и шутками, а потом вдруг становилась серьезной, отвечала на вопросы Скотта откровенно и не слишком задумываясь, так что было ясно – у нее что на уме, то и на языке, будь это сформулированные суждения или размышления вслух. Мало-помалу она выложила о себе всю подноготную, ее даже не приходилось подталкивать. И, как Скотт и предполагал, она задала очень мало вопросов о нем самом.

Пока Эмили говорила, оправдались и другие его гипотезы – все выводы, которые он сделал на основе своих изысканий о ней, нашли подтверждение за один разговор. Мало подруг, нет бойфренда и, судя по всему, не слишком тесные отношения с родственниками. Эта девушка одинока. Кроме того, она легка на подъем, часто меняет место жительства. Еще одна удача – ее вот-вот вышвырнут с очередной съемной квартиры за неуплату (этой информацией она поделилась сама, без стыда и смущения), а идти ей некуда. На ее актерской карьере окончательно поставлен крест, последний разговор с Ларой оставил у нее чувство унижения и беспомощности, как Скотт и рассчитывал.

Из ответов Эмили на психологический тест следовало, что она – мечтательница, выдумщица, экстраверт и живет сегодняшним днем. Так и оказалось. Еще она не чужда духа авантюризма, однако не уверена в себе и часто обращается к людям за советом, перед тем как принять какое-нибудь решение. Ей свойственны преданность, способность сопереживать, и главное – безмерная доверчивость.

«Да, – подумал Скотт. – Она то, что нужно».

Прошло двадцать минут, а Эмили все болтала. В уголке ее рта остались крошки от печенья – Скотт с трудом подавил желание протянуть руку и смахнуть их пальцами.

Он взглянул на часы. С минуты на минуту в дверь опять постучит Верити. Скотт дождался паузы в рассказе про какой-то нелепый случай в жизни Эмили (там было что-то про репчатый лук или ему показалось?) и вклинился в монолог:

– Да уж, нелегко вам пришлось. Я вот думаю, успеем ли мы вкратце обсудить вашу новую работу...

Девушка прижала ладони к щекам:

– О боже, я совсем заболталась!

– Что вы, вовсе нет. Просто время поджимает, а мне хотелось бы разобраться хотя бы с основными вопросами.

– Да, конечно. Простите. – Она поспешно отправила в рот последний кусочек печенья.

– Как вам, вероятно, уже известно, – начал Скотт, – я много времени провожу в континентальной Европе. В основном езжу туда по делам, но иногда остаюсь на пару дней в своем доме во Франции. Следовало бы, честно говоря, почаще там бывать, но я и так пользуюсь малейшей возможностью. – Он вдруг почувствовал, что мысли плывут и тают – такое всегда случалось, когда он заводил разговор о своем французском участке земли, словно одно лишь упоминание

о нем вслух открывало портал, через который можно было протянуть руку и физически прикоснуться к пампасной траве. К разогретым солнцем плитам.

К подушке, пухлой, мягкой...

К указующему персту, нацеленному вверх, вверх...

Скотт сделал глубокий вдох, стараясь навести порядок в голове. То место его затигивало. Нина называла французские владения своим воздушным пузырем, и он понимал почему – это подсказывали кроны деревьев, форма самого участка, повторяющиеся круги и дуги в ландшафтном дизайне... – но для Скотта это место ассоциировалось с чем-то более прочным, надежным, непроницаемым. Со «снежным шаром» из толстого стекла. Порой, когда между его визитами туда проходило довольно много времени, он даже представлял себе поместье в снегу – изящные снежинки, кружась, падают с неба, ложатся на листья и лепестки, выстилают пушистые дорожки на оконных рамах и подоконниках. Что, конечно, полнейшая нелепица – в тех краях никогда не бывает снега.

Скотт сосредоточился:

– На участке потрясюще красиво. Он находится в глуши, но любые лишние расходы того стоят. Там будет все, что вы... пожелаете. – Под ложечкой засосало, как только он вспомнил недавние извещения о списаниях с банковского счета. Скотт прочистил горло. – Участок большой, так что за хозяйством приглядывать довольно сложно. У нас два особняка, один из них жена хочет привести в порядок и сделать из него гостинный дом, к тому же на участке еще есть множество разных объектов, требующих внимания. В общем, дел там по горло. И еще у нас растет дочь.

При этих словах у Эмили случился приступ кашля.

– О боже, простите, – выдавила она. – Дочь? Как чудесно. А сколько ей?

– Недавно исполнилось шесть.

Девушка похлопала себя по груди, пытаясь унять кашель, и вытерла выступившие на глазах слезы.

– Простите, – повторила она. – Шесть. Ух ты! Прелестный возраст.

– О да. У нее некоторые проблемы со здоровьем, нужен особый курс лечения, поэтому мы не можем отдать ее в школу, пока она не пойдет на поправку. Домашнее обучение и постоянный медицинский уход отнимают много времени, так что моей жене трудно справляться одной.

– Ну разумеется. Должно быть, она постоянно находится в напряжении.

– В напряжении. Именно так. – Скотт уставился на свою перевязанную руку. – В итоге она попросила найти ей помощницу. Требуется домработница, она же няня, она же компаньонка. Понимаю, звучит весьма неопределенно, но я... то есть мы еще никогда никого не нанимали для выполнения подобных обязанностей, потому и конкретных требований у нас нет. Вероятно, вам самой придется в процессе работы устанавливать какие-то правила и задачи. При этом, конечно же, я предлагаю вам ежемесячную зарплату, машину, питание и жилье. Дополнительные расходы также будут оплачиваться. А учитывая ваши нынешние неурядицы со съемной квартирой, я буду счастлив, если вы приступите к работе в ближайшие дни.

У Эмили отвисла челюсть.

– Ух ты, – выдохнула она наконец. – Даже не знаю, что сказать. Говорите, земельный участок во Франции?

– Да, на западном побережье.

– Ух ты! – снова повторила Эмили.

– Я не требую, чтобы вы приняли решение прямо сейчас, ведь это будет сопряжено с большими переменами в вашей судьбе. Работа вам предстоит не слишком тяжелая, но к полному уединению привыкнуть не так уж просто. Образ жизни, который ведет моя жена... не всем подходит. – Скотт взглянул Эмили в глаза и заставил себя улыбнуться.

– О,кей, – проговорила она, но ее ответная улыбка вышла слишком натянутой.

Выглядела она сейчас так, будто незнакомец в плаще с капюшоном сунул ей в руки чемодан, набитый деньгами. Скотт мог поклясться, что слышит, как у нее в голове жужжат шестеренки мыслительного механизма.

– Прошу, не спешите. У вас есть время все обдумать. Мы можем встретиться еще раз на этой неделе. – Он рассчитывал позвонить ей на следующий день и не сомневался, что она согласится.

– О,кей, – снова сказала Эмили. – Спасибо, что сделали мне предложение... То есть э-э... нет, это звучит странно... Спасибо, что пригласили меня... позвали меня... то есть... вы понимаете. – Густо покраснев, она встала с кресла.

Скотт тоже поднялся, собираясь проводить девушку до двери, но, шагнув к выходу, она остановилась:

– Простите, можно задать один короткий вопрос?

– Конечно.

– Почему я?

Скотт на секунду смутился.

– Я страшно благодарна за работу, не поймите неправильно, – продолжала Эмили. – Просто... мне кажется, все получилось так... случайно. Вы, наверно, хотели как-то компенсировать мне внезапное увольнение – чего, кстати, вовсе не обязаны были делать, ведь вы тут ни при чем, – но у меня же нет никакого опыта работы по дому и общения с детьми. Можно найти столько профессионалов в таких делах. Почему же вы выбрали меня?

На долю мгновения Скотт почувствовал, что его решимость пошатнулась.

– Потому что вы попали в затруднительную ситуацию, – сказал он после небольшой, но опасной паузы. – Вам нужна работа.

– А кому не нужна? – рассмеялась Эмили. – И все-таки, если честно. Почему я?

Скотт вздохнул. Похоже, он подготовился недостаточно хорошо, не был убедителен на все сто процентов. Мелькнула мысль, что нужно сказать правду. Выйдя из-за стола, он засунул руки в карманы и изобразил самую лучезарную улыбку:

– Честно? Я не могу нанять первого встречного. Это должен быть человек, которому я доверяю, который заведомо впишется в мою семью. Но помощница нам нужна срочно, мне некогда искать кого-то по своим каналам, а собеседования и проверка документов займут уйму времени. К тому же никаких особых навыков и высокой квалификации тут не требуется. Личное знакомство – вот что важно. Я думаю, вы сможете дать нам то, что мы не получим от персонала, нанятого через агентство... – Он умолк.

В сказанном не было ни слова лжи, однако и чистой правдой это назвать было нельзя. Скотт рассмеялся, чтобы скрыть нервность:

– В общем, не знаю. Просто чутье подсказывает, что я не ошибся. Вам это кажется странным?

Эмили посмотрела ему в глаза, и ей почудилось, что она прочла недосказанное, в котором была тысяча скрытых смыслов.

Раздался стук в дверь, опять вошла Верити:

– Простите, что прерываю, Скотт. Звонила Карен Ломакс, она просит перенести встречу на пару часов.

Скотт нахмурился:

– На пару часов?

Верити закатила глаза:

– Ну да, она уже достала. Сказать ей, что мы не согласны?

Скотт задумался, прокручивая в голове планы на этот день, прикинул, что можно поменять, затем вдруг остановился, взглянул на часы, покосился на Эмили.

– Знаешь что? – сказал он помощнице. – Это даже кстати. Скажи Карен, мы ждем ее в два тридцать, но больше никаких отсрочек.

Верити кивком выразила одобрение и снова исчезла.

Скотт вернулся за рабочий стол. Он только сейчас заметил, что у него вспотел затылок и капли катятся за воротник рубашки.

– Что ж, Эмили... – Он взял пиджак, висевший на спинке стула. – Похоже, у меня образовалось свободное время. Что скажете насчет ланча?

Было видно, что девушка колеблется – у нее напряженно подрагивала бровь.

– Сугубо деловое мероприятие, – добавил Скотт. – Для меня это будет возможность подробнее рассказать вам о новой работе, а для вас – задать мне любые вопросы, если возникнут. Или мы можем созвониться позже на этой неделе. Как вам удобнее. Но я, честно говоря, проголодался, а мой любимый ресторан прямо за углом. – Он развел руками: – Ну, что вы решили? В ресторане подают превосходное джелато¹⁶.

Эмили расслабилась, на ее губах заиграла легкая улыбка – уголки рта слегка поднялись вверх, придав лицу неуловимо лукавое выражение. И в этот момент Скотт ощутил болезненный укол, горькую радость – он понял, почему девушка с самого начала казалась ему такой знакомой. Это же так очевидно. Как он не заметил раньше?

Она очень напоминала Нину.

Это он. Снова здесь.

Я дрожащей рукой отодвигаю чашку, в которую собиралась налить латте, и поспешно завариваю пикколо. У меня все готово еще до того, как он подходит вплотную к барной стойке. Я с улыбкой подталкиваю к нему чашку и кладу на блюдечко одно шоколадное печенье.

– Спасибо, – хмыкает он. – И как вы все время угадываете?

«Легко, – думаю я. – Ты ничего другого не заказываешь».

– Умею читать мысли, – отвечаю ему вслух и тотчас жалею об этом – могла бы придумать что-нибудь поумнее.

– Правда? – говорит он и прячет руку за спину. – Сколько пальцев?

– Какой сложный вопрос, – качаю я головой. – Ни одного.

Он улыбается и демонстрирует сжатый кулак:

– Невероятно!

– Ерунда. У вас на лбу написано, что вы хитрец.

Посетительница, которая ждет свой латте, смотрит на меня с ненавистью. Она думает, я простая официантка. Откуда ей знать, что под этим красным передником бьется сердце Чудо-женицыны. Я воительница. Море мне по колено. Любые трудности нипочем. Я сюда прилетела, хочется мне сказать ей. Закинула за спину рюкзак, как будто это ракетный двигатель. Преодолела горы-океаны. Оставила всё позади. Я это сделала. Никто не помогал. Сама. Я неязвима.

Снова подхожу к кофемашине и наливаю посетительнице латте. А когда поворачиваюсь к ней, чтобы отдать чашку, он все еще стоит у барной стойки с печеньем в руке.

– Вы все еще здесь, – констатирую я.

– Здесь. – Он отводит взгляд, дожидаясь, когда сердитая посетительница уволочет свой латте подальше. Наконец говорит: – Слушайте, я проголодался, и печенье тут вряд ли поможет. Во сколько вы заканчиваете?

– Через час, – говорю я. И чувствую, как пылают щеки.

Он делает глоток кофе.

¹⁶ Джелато – итальянский десерт ручной работы из замороженного свежего молока, сливок, сахара, шоколада, орехов и фруктов.

– Мой любимый ресторан прямо за углом. Мечтаю порадовать себя джелато на десерт. Может, составите компанию?

Я смотрю на него, такого уверенного в себе, разглядываю его строгий костюм и сверкающие запонки. Мне кажется, внутри он тоже сверкает. Я беру салфетку, хмуря брови, будто в задумчивости. Медленно протираю прилавок. Чувствую на себе его оценивающий взгляд. Заправляю за ухо прядь волос и слегка наклоняю голову, чтобы показать себя с самой выгодной стороны – мой лучший ракурс.

– Любимый ресторан, значит? Случайно не «Бомбини»? – спрашиваю я, и у него отвечает челюсть.

– Ну правда, – говорит он, – как вы это делаете?

Я знаю о «Бомбини», потому что хожу мимо каждый день. Там мигающая иллюминация на окнах, и у входа выставлена черная доска, на которой мелом написано: «У слова «счастье» есть тайное значение: ДЖЕЛАТО». В дверной проем видно рояль и женицу, чья единственная обязанность – приветствовать людей, которые туда заходят. В общем, заведение из тех, о которых таким, как я, можно и не мечтать.

Хотя почему бы не помечтать? Ты ведь Чудо-женица, напоминаю я себе. Тебе все можно.

Он по-прежнему смотрит на меня – пристально, ловит каждое движение, и я колеблюсь. По телу волной прокатывается ужас и сковывает мышцы. А если, а если, а если...

Но в конце концов я отбрасываю сомнения. Чудо-женице неведом страх.

– Я же говорила, – отвечаю на вопрос. – Умею читать мысли.

Он хохочет, и его смех звучит так приятно... Тогда я окончательно понимаю, что все будет хорошо.

Глава одиннадцатая. Эмили

Эмили не верила своей удаче и всю дорогу, следуя за Скоттом по Риджент-стрит в Сохо, к шикарному, судя по всему, ресторану, улыбалась – ничего не могла с собой поделать. В тот самый момент, когда она уже камнем шла на дно и не надеялась на спасение, вселенная подкинула ей спасательный круг. Нет, прислала на помощь целую *яхту*. Эмили чувствовала себя так, будто выиграла в лотерею или победила в какой-нибудь телевизионной игре: «Сегодня наш главный приз – та-дам! – новая жизнь, к которой прилагаются машина, зарплата и сказочный замок во Франции!»

Но разве можно вот так все бросить и начать работать на семью, о которой она ничего не знает? Что скажут родители? Собственно, можно позвонить Джулиет и спросить. «Привет, это снова я. Просто решила начать новую карьеру и переезжаю во Францию. Что вы об этом думаете?» Не то чтобы у нее была старая карьера, и вряд ли родители стали бы ее уговаривать не отказываться от своей мечты сделаться актрисой. Но быть домработницей в другой стране?.. Эмили поняла, что она не готова выслушать то, что родители захотят сказать на эту тему.

Но так ли важно, что они думают? Жизнь у нее и так дерьмовая, хуже некуда. Если она согласится продолжить разговор со Скоттом, от нее не убудет. К тому же можно бесплатно пообедать.

Ресторан оказался и правда роскошным. Он затаился в тихом переулке в Сохо, за «пологом» из плюща, и был похож на рождественскую пещеру, которую Эмили однажды видела перед праздником в супермаркете. Гирлянды и свечи мерцали в окнах, как надежда на лучшее.

Когда они вошли, высокая женщина в черном проводила их на террасу, под решетчатый навес, тоже оплетенный плющом – длинные ароматные побеги покачивались над головой. Скотт указал Эмили на столик в углу, и она вдруг смутилась, принялась одергивать юбку. Утром битых два часа подбирала одежду для визита в «Проуэм», и в итоге все равно оделась по-дурацки. Она набрала вес, с тех пор как в последний раз носила эту юбку – теперь юбка казалась слишком короткой и топорщилась в самых неподходящих местах. Ужасный выбор для деловой встречи. «Да-да, это деловая встреча, не что-нибудь», – не преминула девушка напомнить себе, упрямо игнорируя легкую дрожь в коленках.

Отчего-то ей страшно хотелось запереться сейчас в туалетной комнате, поправить макияж, порепетировать перед зеркалом кокетливую улыбку – ее тело, отдельно от разума, пребывало в заблуждении, что никакая это не деловая встреча, а почти *свидание*, – но приходилось себя контролировать. Ситуация была предельно ясна. К тому же кого она обманывает? Ей и самой понятно, что у нее нет никаких шансов вызвать интерес у такого мужчины, как Скотт. Даже если бы у него не было *жены*. И *ребенка*.

Но, несмотря на все усилия, Эмили всякий раз, встречаясь с ним взглядом, чувствовала, как сердце начинает выпрыгивать из груди.

Скотт с улыбкой отодвинул для нее стул, и она, взявшись за юбку, изобразила что-то вроде книксена. Спина покрылась испариной. «Боже, да что с тобой такое творится? – мысленно вознегодовала Эмили. – Веди себя естественно». Когда она села, проклятая юбка задралась так высоко, что пришлось срочно схватить со стола салфетку и прикрыть выставленные на обозрение коленки. И тут не обошлось без унижительной оплошности – в салфетку были завернуты столовые приборы, и две вилки с громким звоном полетели на пол. Эмили вспыхнула от стыда.

Немедленно появилась официантка в черном переднике и с любезной улыбкой подняла их.

– Упс, ничего страшного. Я принесу чистые. А пока не желаете заказать напитки? Вино? Коктейли?

Скотт повернулся к Эмили:

– Что будете пить?

– О... э-э... – У нее в голове вдруг сделалось совсем пусто, она не могла вспомнить ни одного названия. – Ну... – промямлила Эмили и мысленно призвала себя к порядку: «Давай же, ты сотню раз заказывала напитки в кафе. Что ты будешь?» – Я буду... – Она услышала, как за соседним столиком хлопнула пробка. – Шампанское!

– Отличный выбор, – кивнул Скотт. – «Дом Периньон», пожалуйста.

Официантка лучезарно улыбнулась:

– У вас сегодня особенный день?

Эмили так громко рассмеялась, что та невольно попятилась.

– Нет, что вы. Это всего лишь *деловой ленч*.

– О, – вскинула бровь официантка. – Понимаю. Не буду мешать.

Эмили проводила ее взглядом, думая: «Шампанское? Ты в своем уме?»

– Итак, – начал Скотт; на его губах блуждала легкая улыбка. – Раз уж мы вспомнили о делах. У вас есть какие-нибудь вопросы по поводу работы, которую я предложил?

Эмили кивнула, но взгляд ониксово-черных глаз пригвоздил ее к стулу, и вопрос у нее в голове крутился только один: «*Что со мной творится?*»

Однако после двух бокалов шампанского она немного расслабилась. Ей удалось сформулировать несколько вопросов по поводу поместья, и Скотт подробно ответил, рассказав об океане, который совсем близко, о бассейне и двух особняках на территории своего участка земли. Он описал архитектурные особенности домов – карнизы, обшивку стен, каминные трубы, сводчатые потолки – и слушать об этом было чрезвычайно увлекательно. О ландшафте тоже – там есть грядки с овощами, лужайки, цветы, растут оливы и целый фруктовый сад.

– В тех краях какой-то особенный климат, очень благоприятный для растений – все буйно цветет без особых усилий с нашей стороны, – продолжал он. – Прошлым летом мы построили мастерскую для всяких поделок и замостили площадку на краю участка – оттуда открывается сказочный вид на закат. Площадка находится на возвышении, над океаном, прямо напротив того места, где в середине лета солнце исчезает за линией горизонта. Если сесть на самом краю и свесить ноги над обрывом, кажется, будто паришь в воздухе.

Эмили опять поймала его взгляд. Спорить с собой было бесполезно – Скотт действительно невероятно привлекателен. Высокий и стройный, мускулистый, но не массивный. Он не был похож ни на штангистов, ни на качков, которые не вылезают из спортзалов. Скорее напоминал легкоатлета – поджарый, пропорционально сложенный. У него были темно-каштановые волосы с благородной сединой на висках, а задумчивое выражение лица полностью преобразилось, когда он улыбался. Определить возраст было довольно трудно – возможно, слегка за сорок. Когда работала в «Проуэме», Эмили почти не обращала на него внимания – он был для нее безликим боссом, большим человеком на самом верху. Теперь же она недоумевала, как могла его не замечать.

Когда он улыбался, показывались нижние зубы, как у довольного, объевшегося сладким ребенка, и это было очаровательно. А когда она говорила, он слушал ее так, будто перед ним самый интересный человек на планете – хотя, возможно, у него это было профессиональное. Но он действительно слушал ее – очень внимательно. И смеялся от всей души. И не просто смотрел на нее – он ее видел. И это его безраздельное внимание было как наркотик – один раз попробовав, Эмили хотела еще.

Теперь она замечала всё – как кожа Скотта контрастирует с белоснежной рубашкой, движение кадыка, когда он глотает... Две верхние пуговицы рубашки с безупречно накрахмаленным воротничком были расстегнуты, и Эмили видела черные волосы у него на груди. «Не слишком много, не слишком мало, – подумала она и тотчас велела себе: – Уймись уже. Ты здесь не для того, чтобы в него втрескаться». Потому что, если бы она втрескалась, все это

– тихая беседа, случайное соприкосновение коленей, спонтанно заказанное шампанское – превратилось бы в полнейшую безвкусицу. Но если держать свои эмоции под контролем, все будет отлично. Он, в конце концов, не такой уж и неотразимый. Наверно, все дело в безупречном костюме.

Скотт откашлялся. Эмили, встрепенувшись, только сейчас осознала, что таращится на волосы у него на груди, и поспешно отвела взгляд.

Он заказал обжаренные гребешки, пасту с мидиями и джелато на десерт – ванильно-вишневое, кисло-сладкое, с самым восхитительным сочетанием вкусов, которое она пробовала когда-либо.

Воспряв духом, Эмили решила поинтересоваться жизнью Скотта.

– Я сегодня все утро болтаю без умолку. Теперь ваша очередь. – Она изобразила строгий директорский тон: – Быть может, вы немного расскажете мне о себе?

Скотт колебался, затем, не глядя в глаза, поведал ей свою историю. Он и его младший брат росли в Котсуолдсе. Мать работала портнихой, отец, как все считали, был успешным предпринимателем. Разнообразные компании, основанные Терренсом Денни, долгие годы приносили хороший доход, и семья горя не знала. Но комфортабельная жизнь рухнула в один день, когда в их дом вдруг постучали судебные приставы. Терренс скрывал от родственников серьезную игровую зависимость. Сначала страсть к игре помогла ему разбогатеть, затем разорила. Он потерял всё. А затем сбежал, забрав с собой по неизвестным причинам младшего сына.

– Стыд и скорбь чуть не убили мою мать, – сказал Скотт, и на долю секунды Эмили почудилось, что он сейчас заплачет. – Тогда я поклялся сделать все ради того, чтобы мы были счастливы. Мы с мамой вдвоем. Я поклялся сделать то, чего не сумел мой отец.

Возможно, виной тому было шампанское, но на несколько ослепительных, как удар молнии, мгновений все вдруг изменилось. Время словно замедлилось. Между ними больше не было барьеров, деловой повестки, других людей. Осталось лишь колебание воздуха и общение двух сердец – напрямую, искреннее, открытое.

Однако наваждение исчезло так же неожиданно, как и появилось. Скотт стал таким же, как прежде, – спокойным, собранным и невозмутимым.

– По поводу работы... – проговорила Эмили, меняя тему. – Допустим, я уже согласилась...

– Гипотетически?

– Гипотетически, да. Что будет дальше?

– Дальше? – Скотт отодвинул пустую тарелку. – Гипотетически я дам вам вот что. – Он наклонился под стол и достал из черной сумки для ноутбука тонкую стопку бумаги.

– Что это?

Он передал ей документ, состоявший из дюжины распечатанных и скрепленных черным пластиковым держателем листов формата А4.

– Соглашение о неразглашении. Иными словами, договор о запрете передавать полученную конфиденциальную информацию третьим лицам. – Скотт пожал плечами. – Весь наш персонал подписывает этот документ. Или, по крайней мере, сотрудники высшего звена.

Эмили скользнула взглядом по многочисленным пунктам, пестрящим юридической терминологией.

– Так... И к чему он обязывает?

– В вашем случае? По сути, ни к чему. В «Проуэме» мы без него обойтись не можем, поскольку наши сотрудники располагают персональными данными и прочими сведениями, касающимися клиентов и инвесторов, но от вас потребуются всего лишь поменьше сплетничать о наших семейных делах. – Он усмехнулся и продолжил доверительным тоном, подавшись ближе к ней: – Хотите честно? Я слегка сжульничал, когда занимался реконструкцией участка во Франции. Надо было все сделать побыстрее – ну, вы понимаете, – поэтому я нечаянно забыл

получить пару официальных разрешений на перепланировку. Это не так уж и важно, но мне бы не хотелось, чтобы у тамошних властей возникли претензии. Кроме того...

Эмили трудно было себе такое представить, но Скотт как будто даже стыдливо покраснел.

– Боже, понимаю, что это прозвучит слишком пафосно, но, видите ли, внимание ко мне со стороны публики и так все растет и растет, а мне бы хотелось оставаться незаметным.

Девушка хихикнула:

– Внимание публики? – И щелкнула пальцами: – Оп! Так вот почему ваше лицо казалось мне таким знакомым! Можно попросить у вас автограф, Брэд? Я в восторге от того, как вы сыграли Бенджамина Баттона!¹⁷

Скотт рассмеялся:

– Не надо издеваться!

– Не пугайтесь, но, кажется, я слышу, как приближаются вертолеты. Наверно, это слетаются папарацци.

– Я серьезно. Не хочу, чтобы люди знали, где и как я живу.

Эмили улыбнулась. Она слышала про соглашения о неразглашении – селебрити их постоянно всем подсовывают.

– Ну хорошо, – сказала она. – Обещаю надежно хранить ваши тайны.

– Очень любезно с вашей стороны. Итак, продолжаем рассуждать гипотетически. После того как вы подпишете договор, я вручу вам это. – Скотт достал из внутреннего кармана пиджака черную блестящую кредитную карточку и три ключа на серебристом кольце. – Это ваша собственная банковская карта. Можете пользоваться ею, когда пожелаете, но в пределах разумного, конечно. Заработная плата будет еженедельно перечисляться на ваш счет. Можете хранить деньги на нем или обналичивать, как вам удобно.

«Доход, не облагаемый налогом, – подумала Эмили. – Звучит всё лучше и лучше».

– Это ключи от дома и вашей машины. Самый маленький – от въездных ворот, но у нас там электронная система безопасности, так что вряд ли он вам понадобится. Ив вам все объяснит подробнее, когда окажетесь на месте.

– Ив?

– Мой человек из местных. – Последовала знакомая мальчишеская улыбка. – Он садовник, но заодно выполняет на участке всю тяжелую работу – если надо, чинит ограду, поддерживает в рабочем состоянии дренажную систему и водопровод. В основном справляется сам, но у него там полно знакомых, так что в случае необходимости может вызвать подмогу – команду профессионалов.

Эмили, взяв у Скотта карточку и ключи, положила их на договор.

– А дальше? Что случится дальше?

– Ну, если у вас больше не возникнет вопросов, считайте, что билет для вас уже забронирован на четверг. – Скотт откинулся на спинку стула, изучая Эмили взглядом, и она осознала, что стоит на перепутье судьбы и надо делать выбор. Сейчас или никогда. Да или нет. Красная таблетка или синяя.

Девушка посмотрела вверх, на увитую плющом решетку навеса, в квадратах которой сквозь листья проглядывало голубое небо. «Домработница...» Она вспомнила грязную ванну и раковину в съемной квартире. «Няня...» Эмили умела ладить с детьми, однако понятия не имела о том, как нужно о них заботиться, особенно о тех, у кого «проблемы со здоровьем». Но как отказаться от жизни летом в роскошном поместье на берегу океана да еще и с оплаченными расходами? Она сумеет научиться на месте всему, что от нее потребуется, правда же?

¹⁷ «Загадочная история Бенджамина Баттона» – фильм режиссера Дэвида Финчера с Брэдом Питтом в главной роли (2008 г.).

– Знаете, Эм, – снова заговорил Скотт, и его голос теперь звучал устало. – Какой-нибудь пустяк может полностью перевернуть жизнь. Одно-единственное решение открывает великое множество дверей. Вы вольны войти в любую из них – или во все сразу – и сделаться совершенно другим человеком. Но мир вокруг тоже изменится навсегда.

Их взгляды встретились, и Эмили показалось, что он смотрит ей прямо в душу. Сердце вспыхнуло, будто по нему чиркнули спичкой. Что ж, возможно, она и правда *особенная*.

Взяв договор о неразглашении, девушка улыбнулась:

– У вас есть ручка?

Глава двенадцатая. Скотт

Скотт стоял в гостиной своей квартиры на берегу Темзы, прижав к уху мобильный телефон. Нина не отвечала. Он два раза набирал ее номер, прежде чем соединение установилось и сквозь помехи пробился голос:

– Скотт?

Голос звучал едва различимо.

– Нина, ты меня слышишь?

В ответ из динамика раздалось шипение.

– Нина!

– ...слышу тебя, – донеслось слабо и издалека, будто из глубины гигантской пещеры.

Скотт подождал и в конце концов произнес:

– Я кое-кого к тебе пришлю.

В динамике зашипело и затрещало сильнее.

– ...век здесь.

– Что?

Вдруг голос Нины прорвался прямо в ухо, громкий и отчетливый:

– ...следит за мной. Какой-то человек наблюдает за домом! Люди.

Скотта сотрясла дрожь – накатила стремительной обжигающей волной, а когда эта волна схлынула, осталось покалывание по всему телу. Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул:

– Нина...

– В лесу. Они там шумят.

– Нина, послушай меня. В лесу никого нет.

Вернулись помехи, снова заглушив ее голос.

Скотт ждал.

– Ты меня слышишь?

– Да, – ответила она.

– Ты слышала, что я сказал? Я пришлю кое-кого.

– Что сделаешь?

– Пришлю кое-кого. К тебе. Она придет в четверг.

На другом конце линии щелкнуло, потом раздался приглушенный вой, будто налетел ветер.

– Ив встретит ее в аэропорту и привезет к тебе, – договорил Скотт.

– Ты... – Голос Нины снова утонул в статическом шуме.

– Ты где? Не в доме? – Скотт представил, как она стоит на лужайке, сжимая телефон в руке с побелевшими костяшками пальцев. Глаза у нее, должно быть, расширились, брови поползли вверх. – Иди в дом, Нина, в лесу никого нет.

– Скотт! Ты сказал, сюда кто-то придет?

– Да, но не сейчас. В четверг.

– В четверг? Кто? Кто придет?

– Домработница.

– Домработница... – повторила Нина совсем слабым голосом.

– Или садовница. Или няня. Помощница по хозяйству. Она будет выполнять любые твои поручения. – Он шагнул к окну и посмотрел вниз. На улице ливень обрушивался на высокие здания, хлестал по мостовой. Скотт прислушался к плеску воды, льющейся с карнизов, и вообразил себя там, летящим вниз вместе с тяжелыми каплями, кувыркаясь в воздухе, в бурном потоке с небес, а потом – БАЦ. Удар о землю – и тело разлетается на тысячу мокрых ошметков.

– Она?

– Да. Ее зовут Эмили.

«Эмили. Эмили. Эмили». Все мысли были полны ею. Он досадливо поморщился, вспомнив, как разоткровенничался с девушкой за ленчем. Болтал без умолку о детстве, о своем отце... Почему его так разобрало? Нужно быть осторожнее.

Нина что-то сказала, но на линии опять затрещало, и он не понял ни слова.

– Нина! Ты еще здесь? – Скотт пошел на кухню, облокотился на мрамор кухонной стойки. Огромные стеклянные плафоны покачивались над головой, как планеты.

– Нина?

Тишина.

– Я тут стараюсь все делать правильно, – прошептал он.

По-прежнему ни звука от нее, только шорох помех. Скотт прикусил зубами ноготь на большом пальце; краешек отломился с одной стороны, но застрял с другой. Скотт прикусил еще раз, и снова – наконец кусок оторвался. Из-под ногтя выступила кровь.

– Знаю, ты хочешь, чтобы я был рядом, – проговорил Скотт едва слышно. – Но мы оба понимаем, что я не могу.

Динамик опять разразился треском, а потом вдруг помехи исчезли, и на линии стало так тихо, что Скотту показалось, будто он слышит, как шевелятся губы и язык Нины, как вздымается ее грудь – неровно, рывками.

Нина плакала.

– Спасибо, – прошептала она. – Спасибо тебе.

Скотт закрыл глаза. Скользя локтями по гладкому мрамору, обхватил голову руками, чуть не задохнувшись от ее благодарности.

«Отличный ход, Нина, – подумал он. – Ты победила. Опять победила».

Но он и сам знал, что не прав. Никто тут не мог победить.

Они все проиграли. Каждый потерпел поражение.

Муж спотыкается и пытается поймать блинчик, а я весело смеюсь, потому что не хочу испортить наши последние минуты. Пусть он выйдет из дома в хорошем настроении.

– Ха! Поймал! – Он перекладывает блинчик на мою тарелку, и тот шлепается посередине бесформенной кучкой. Нахмурившись, муж подравнивает эту кучку вилок, пытаясь придать ей изначальный вид.

Я разглядываю его с близкого расстояния – он все так же красив, как в тот первый день, когда мы встретились. Мне нравится эта его привычка – касаться языком уголка рта, когда он пытается сосредоточиться. Язык словно разминается на краю поля, как футбольный судья. Ему не хватает только кепи и свистка.

– Завтрак подан, мадам, – говорит муж с театральным французским акцентом и протягивает мне тарелку, изобразив другой рукой в воздухе галантную финтифлюшку.

Я, улыбаясь, беру половинку лимона и выжимаю сок на блинчик, затем посыпаю его сахаром и добавляю добрую щепотку натертого сыра, размазываю все по блинчику и закатываю его в трубочку. Муж корчит брезгливую гримасу, когда я беру блинчик и впииваюсь в него зубами. Вкус божественный.

– Фу, какая гадость, – говорит он, намазывая на тост арахисовую пасту. – И ты еще претендуешь на гордое звание шеф-повара.

– Не-а, – возражаю. – Я еще не получила диплом.

– И никогда не получишь, если будешь так обращаться с пищей. Ты издеваешься над нашим неродившимся ребенком. Его же сейчас стоишь, пока мы тут с тобой болтаем.

– А вот и нет, он сам попросил, – заверяю я с полным ртом лимона и сыра. – *Crêpe Suzette à la fromage*¹⁸. Писк моды в Париже.

– В наши-то дни? Вот я проверю, когда там буду.

Я глотаю кусок блинчика и делаю печальное лицо:

– Ты все-таки нас бросишь? А если ребенок родится, пока ты будешь в отъезде?

– Я уезжаю всего на три дня, а ребенку пока рано на свет, ему и там неплохо. Он сам мне сказал. – Муж обходит кухонную стойку и наклоняется ко мне, чтобы поцеловать.

– Фу! – возмущаюсь я, внезапно чувствуя приступ тошноты. – Отойди, от тебя пахнет арахисовой пастой, меня сейчас вырвет!

– То есть ты за милую душу уплетаешь адскую смесь из лимона, сахара и сыра, а от арахисовой пасты нос воротишь? – Он смеется и щекочет мне шею. – Да ты у нас дамочка с причудами!

Я отталкиваю его, но не слишком сильно. Забавно, однако, – я никогда не чувствовала себя такой бодрой и здоровой. Беременность как будто уравновесила мою психику и привела в порядок гормоны, вместо того чтобы их хорошенько взболтать. Даже не помню, когда еще я чувствовала такую ясность ума и постоянный прилив энергии. Это, конечно, невероятное облегчение – теперь будет проще слезть с препаратов, что я планировала сделать в любом случае. Я уже предвкушаю полную свободу, которую принесет отказ от них. Не придется больше врать. И прятать таблетки.

Поглаживая туго натянутую кожу живота, я представляю себе крошечное существо внутри – свернувшись калачиком, оно парит в невесомости, как астронавт, покачивается, как неваляшка.

– Ладно, любовь моя. Вернее, два моих самых любимых человечка. Папочке пора бежать. – Он целует меня в макушку, обхватив за плечи, потом наклоняется и касается губами моего живота. – Веди себя хорошо, малыши, – говорит он, – не бузи там, пока меня не будет.

Паника обжигает мне грудь и рвется наружу.

– А может, мы тоже поедим? С тобой. – Я шучу, но лишь отчасти. – Дай мне пять минут – я соберу чемодан, и мы все полетим в Париж.

Он смеется:

– Ты соберешь чемодан за пять минут? Хотелось бы на это посмотреть! И что тебя так тянет во Францию? Что в ней такого особенного? Ну, кроме необычных гастрономических экспериментов, конечно.

– Не знаю. – Я прижимаю его ладонь к своей щеке. – Я всегда хотела там жить. Ходить по рынкам. Сидеть в маленьких кафе на перекрестках. Может, однажды открыть там скромную гостиницу или что-то вроде того.

– Гм-м... Давай сначала дождемся, когда родится ребенок, а там посмотрим, ладно? – Он целует меня в нос, в бровь, в кончики пальцев. – А пока мне правда надо идти – зарабатывать деньги. Позвоню тебе, когда устроюсь в отеле.

Я смотрю, как он берется за выдвижную ручку сумки на колесиках и катит ее за собой к двери; я впитываю каждое его движение, каждый миллиметр этой картины и заботливо сохраняю в памяти, чтобы пересматривать воображаемую пленку снова и снова, когда останусь одна. Еще несколько секунд – и он уйдет, но сейчас, прямо сейчас, он здесь, со мной, в этом доме, где мы живем вместе, в этой прекрасной, похожей на сон жизни, которую мы создали вдвоем.

Уже шагнув за порог, муж оборачивается:

¹⁸ Блинчик «сюзетт» с сыром (фр.). Настоящий блинчик «сюзетт» подают с соусом из апельсинового варенья и ликера.

– Может, сегодня вечером сходишь в кино? И к маникюрщице. Приведи в порядок ногти. Займись собой.

Я стараюсь не реагировать. Иногда он меня дразнит, словно проверяет на прочность. Но я всегда выдерживаю это испытание.

С прощальной улыбкой муж исчезает за дверью, и на меня обрушивается пустота, рожденная его отсутствием. Щелкает замок; я остаюсь со своими верными подружками – газетой «Либерти» и итальянской эспрессо-машиной, с креслом «Армани» и с чайным подносом, украшенным цветочным орнаментом. Поднос стоит примерно столько, сколько раньше я зарабатывала за год.

Я закутываюсь в тишину, как в одеяло, набираю полные легкие пустоты и посылаю к двери воздушный поцелуй. Я воображаю, как он летит вдогонку за моим мужем, и диву даюсь, думая о своем безоблачном счастье, о своей феноменальной удаче.

Глава тринадцатая. Эмили

«Керенсия», – думала Эмили. – Какое чудесное слово».

Когда раздолбанная колея, петлявшая по лесу, закончилась и внедорожник вкатился за черные кованые ворота, у девушки перехватило дыхание. Краски, ароматы, два восхитительных дома... Внутренний голос всю дорогу из Лондона нашептывал ей, что предложение Скотта слишком прекрасно, чтобы оказаться правдой, но теперь этот голос смутился и замолк.

Ив вел машину в глубь участка, а Эмили, замирая от восторга, смотрела по сторонам. Француз монотонно и бесстрастно давал пояснения: теннисный корт, баскетбольная площадка, огород, стоянка для квадроцикла, детский игровой домик, пруд с карпами. На развилке у центральной лужайки он свернул налево и припарковался перед тем особняком, что побольше.

– Вы найдете мадам в саду, – сказал Ив, дернув ручной тормоз, и заглушил мотор. Он выскочил из машины до того, как Эмили успела как-то отреагировать, зашагал к полускрытому за деревьями белому грузовичку, залез, не оглядываясь, в кабину, и вскоре уже грузовичок в облаке пыли исчез за воротами.

Эмили, оставшись одна, еще раз окинула взглядом безлюдные владения из окошка внедорожника, затем открыла дверцу и ступила на мягкий белый песок, которым была засыпана вся подъездная дорога. Песок чуть слышно поскрипывал под ногами, а вокруг не наблюдалось никаких признаков присутствия хозяев – ни человеческих голосов, ни обуви на крыльце, ни полотенец, забытых на шезлонгах.

Она достала из сумки автомобильные ключи, полученные от Скотта. Эмблема на них была та же, что на внедорожнике. Эмили нажала на кнопку блокировки дверей – и машина бипнула. «Офигеть!» Значит, этот здоровенный черный монстр – ее личный транспорт? Однако забавно, если учесть, что раньше она не ездила ни на чем крупнее «Форда Каена». И не просто забавно, а обхохочешься – Скотт даже не спросил, умеет ли она водить.

Поигрывая ключами, девушка повернулась вокруг своей оси. Интересно, в какой стороне искать «мадам»? Кое-какие сведения об участке Скотт прислал ей по электронной почте, но ничего не сообщил о своей жене. Эмили достала телефон, чтобы отправить Скотту эсэмэску, но сотовая связь здесь по-прежнему не работала.

Краем глаза она вдруг заметила какое-то движение возле меньшего из особняков и вскинула руку к лицу, прикрываясь от солнца. Попыталась рассмотреть входную дверь и окна, сделала несколько неуверенных шагов в том направлении – и опять мелькнуло яркое пятно, теперь за живой изгородью слева.

Эмили пошла быстрее и позвала:

– Эй! Привет!

Маленькая фигурка стремительно метнулась по траве и исчезла за углом дома. Эмили остановилась. «Ребенок», – подумала она. Это была крошечная девочка с черными волосами и в огромной соломенной шляпе, которая подпрыгивала у нее на голове.

Эмили подождала немного.

– Эй! – снова окликнула она, уже громче. – Здесь кто-нибудь есть?

Ответа не последовало. Мадам, вероятно, была в доме.

Входная дверь оказалась приоткрыта. Девушка поднялась по ступеням крыльца и вытянула шею, пытаясь заглянуть в щелку, затем решилась толкнуть створку и вошла. Она увидела гостиную с мебелью в пастельных тонах и картинами в импрессионистском стиле. Толстые журналы и фотоальбомы были в художественном беспорядке разложены на низких столиках; между стопками стояли толстые ароматические свечи с названиями брендов, которыми пест-

рел сайт «Сэлфриджес»¹⁹, куда однажды Эмили забрела на воображаемый шопинг. В гостиной витал экзотический цветочный аромат.

Она простояла целую минуту, прислушиваясь к тиканью незримых часов, а потом различила на этом фоне еще какой-то механический звук – слабое жужжание доносилось из-под потолка. Девушка сделала шаг вперед, обернулась и взглянула вверх. Над входной дверью медленно поворачивалась на кронштейне камера видеонаблюдения, мигая красным огоньком. Повернулась и замерла, устремив объектив прямо на Эмили. Еще одна камера обнаружилась над высоким, от пола до потолка, окном, а третья притаилась в дальнем углу гостиной.

Эмили, не зная, что делать дальше, прошла вдоль столика у стены, рассеянно скользнув по нему кончиками пальцев. На подушечках остался слой темной пыли. Лишь дойдя до середины комнаты и обратив взгляд в сторону лестницы на второй этаж, она заметила женщину, неподвижно стоявшую в углу.

Эмили от неожиданности попятилась, налетела на пыльный столик и опрокинула на пол маленькое фарфоровое блюдо, которое разлетелось вдребезги.

– О нет! Боже мой! Мне так жаль! – Она поспешно присела на корточки и принялась подбирать осколки. Щеки у нее пылали от стыда.

Женщина шагнула вперед.

– Простите, я не хотела вас напугать, – сказала она низким, хрипловатым голосом.

– Нет-нет, я сама во всем виновата, – попыталась улыбнуться Эмили. – Становлюсь ужасно неуклюжей, когда нервничаю.

Зашелестела ткань, и до нее донесся сладкий летний аромат. Эмили, от смущения не решаясь взглянуть вверх, продолжила с неловким смешком:

– Не лучший способ произвести впечатление, правда? Я здесь меньше пяти минут и уже умудрилась нанести ущерб.

– Это всего лишь блюдо.

Пальцы с идеальным розовым маникюром столкнулись с неряшливыми ногтями Эмили – женщина взялась за тот же осколок фарфора.

– Со мной всегда так. – Эмили знала, что сейчас начнет трещать, как сорока, но ничего не могла с собой поделать. – То есть не всегда именно так. Не то чтобы я ходила и повсюду швырялась посудой. Хотя однажды я опрокинула целый поднос с едой в ресторане, но это чистая случайность – поднос был очень тяжелый, а я споткнулась о чью-то сумку.

С осколками разбитого блюда в руках она наконец-то решилась медленно поднять взгляд – и увидела загорелые ноги, подол белого хлопчатобумажного платья, невероятно тонкую талию, руки в темных пятнышках веснушек. Дальше следовали голые плечи, прозрачно-кармельная кожа груди, изящные ключицы, длинная, стройная, как у балерины, шея, четко очерченная линия челюсти, высокие скулы и короткие светлые волосы, уложенные волной на косой пробор.

¹⁹ «Сэлфриджес» – сеть дорогих универсальных магазинов в Великобритании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.